

Сергей
АВИЛОВ

ADELANTE, ГОНЧАР, ADELANTE

Издательство
Геликон Плюс

Сергей АВИЛОВ

Adelante, Гончар, adelante

«Геликон Плюс»

2018

УДК 84.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Авилов С.

Adelante, Гончар, adelante / С. Авилов — «Геликон Плюс», 2018

ISBN 978-5-00098-175-7

Кроме комнатки в общежитии и амбиций у Глеба ничего нет... Ему предстоит борьба с обстоятельствами, обществом и самим собой. С каждой победой требования, в том числе к себе, растут, цели становятся всё выше. Наконец самолюбие вроде бы удовлетворено и видны результаты, но судьба навязывает Глебу неожиданное испытание...

УДК 84.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00098-175-7

© Авилов С., 2018
© Геликон Плюс, 2018

Содержание

Глава предпоследняя	6
Часть 1	9
1	9
2	17
3	21
4	26
5	31
6	37
7	40
8	45
10	52
11	57
12	61
13	68
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Сергей Авилов

Adelante, Гончар, adelante

© Авилов С., текст, 2018.

© «Геликон Плюс», макет, 2018.

* * *

Глава предпоследняя

Париж казался будничным. И лежащее на нем небо, серое, как оберточная бумага, и теряющие четкие очертания дома вдаль. И стрелка башни Эйфеля, сейчас окутанная туманом.

– Идите, я догоню... – обронил Глеб, когда его жене и дочке наскучило разглядывать неменяющийся блеклый пейзаж со смотровой площадки возле собора Сакре-Кер. На площадку они долго поднимались по бесконечной лестнице, и дочка пока еще не могла понять – для чего. Жена то и дело поправляла соломенную шляпу, купленную ей Глебом на блошином рынке площади Алигр. Говорят, на этом рынке просто необходимо торговаться. Торговаться Глебу было незачем. Он мог купить жене дюжину таких шляп.

– Глеб, – жена глянула на него с нетерпеливым укором. Шляпная завязка болталась у нее на груди на ковбойский манер.

– Я же сказал – догоню, – с легким уже раздражением повторил Глеб.

Жена, медленно покачивая бедрами, поплыла по ступенькам вниз, бросив недоумевающей дочке:

– Он догонит, – в ее голосе уже не было недовольства.

Париж раскинулся у его ног – Глебу хотелось думать именно такими категориями и формулировками, хотя вслух он не высказал бы это даже жене. Он должен был почувствовать себя победителем, и пусть Париж пока не знает о существовании Глеба, но Глебу хотелось, чтобы Париж давал благосклонность авансом за будущие победы.

Положив ладонь на каменную ограду, он невольно распрямлял спину, подставлял грудь под прерывистые, как телеграфные строки, порывы ветра. Он где-то читал, что отсюда, с этого холма, на захваченный Париж смотрел Адольф Гитлер. Скорее всего – картина его удовлетворяла. Не так-то просто почувствовать себя властелином парижских улиц и парижан. Хотя, возможно, любое человеческое существо, будь в нем хоть капля разумного честолюбия, ощутит здесь что-то подобное... Нечасто приходится смотреть сверху вниз на город, да еще такой, как Париж. Взору хватает пространства, чтобы разом охватить огромное, безмерное количество крыш до самого горизонта.

Глеб, к счастью, не верил в эту обманчивость. Властелином он не был и не хотел им становиться. Так надевают бутафорскую корону из театрального реквизита – просто для того, чтобы на несколько минут побыть кем-то другим...

И спустя эти несколько минут Глеб почувствовал, что пора уходить.

Он спускался, не глядя себе под ноги, скользя глазами по исчезающим по мере его спуска крышам, и не заметил маленькую французскую старушечку в фиолетовом берете и с накрашенными в цвет берета губами. Он как-то неловко толкнул ее плечом.

– Sorry, – извинился Глеб и, вспомнив, где находится, тут же поправился: – Pardon...

Старуха беспомощно и наивно заулыбалась, кивая головой. Потом, когда она смотрела ему вслед, он подумал – неплохо было бы, если бы старуха спросила, откуда он. Чтобы услышать ответ: «Я – гражданин мира...» А он, таинственно улыбнувшись, продолжит спуск.

Я – гражданин мира.

Конечно, Глеб никогда и никому не сказал бы этих слов. Тем более что как раз французского он и не знал. Мысленно он отвечал старухе по-английски, по-испански... По-русски – нет, не отвечал, потому как вряд ли старуха в фиолетовом берете знает русский язык...

Жену и дочку он обнаружил у самого подножья холма, где мерцала огнями каруселька с зеленым куполом, безостановочно гоня по кругу игрушечных лошадей.

– Мы уже тебя тут заждались, – шутливо насупив брови, бросила Лена.

– Я думал... – заставил себя ухмыльнуться Глеб.

– О чем ты думал? – жена продолжала играть шутливо-сварливую роль.

– О том, что я – гражданин мира, – ухмылка не сходила с его лица.

– Пойдем, гражданин мира, – примирительно, признав его шутку, отозвалась она и опять поправила шляпу.

– Oui, – рисуясь, ответил Глеб.

Они спустились в метро, доехали до станции Saint-Michel.

Пообедали в местном «Макдоналдсе». Глеб было замахал руками, но Лена пристыдила его ребенком. Если, мол, ребенок просит... Алена не хотела ароматных французских булок и прочей фирменной французской снеди. Алена хотела любимой пищи. Так иногда они питались в Москве, когда Глеб стал получать первые деньги.

– Устала? – хлопотала Лена над дочерью, и та, измазав рот томатным соусом, лихо и отрицательно мотала головой.

– Пойдем еще гулять? – спрашивала Лена, и жест повторялся. Восемилетнему ребенку земные удовольствия были как-то ближе: поесть вредного, поваляться на огромной родительской кровати в номере отеля. Покататься на карусели... Но сегодня медленные лошадки уже сделали десяток кругов с Аленой на спине.

Глеб проводил семью до дверей отеля. В предвкушении своего личного, одинокого Парижа он сделался уступчивым и торопливым. По дороге он покупал Алене то пепси, то облако сахарной ваты на длинной деревянной шпалке.

– Иди, иди, – миролюбиво отпустила его жена, когда он полунамеками стал отдалять свое возвращение в номер.

– Ну... Я пошел? – он все топтался возле Лены и уже почти засыпающей дочери.

– Да иди!

Глеб помахал рукой и повернул обратно, в свое долгожданное одиночество.

Темнело. Улицы светились таинственными и привлекательными вывесками реклам. За прозрачными, до пола, окнами разнообразных кофеен виднелись немые, открывающие беззвучный рот посетители, жестикулирующие на разных, непонятных Глебу языках.

Он долго выбирал место из тех, что ему хотелось посетить. Сад Тюильри, Люксембургский сад, Клиши... Остановился на площади Вогезов.

Уже немного разбираясь в неглубоких переходах метро, доехал до площади Бастилии. По карте до площади Вогезов было рукой подать.

«У каждого свой Петербург», – объяснял ему когда-то Корнеев, путая Глеба в маленьких улочках с проходными колодцами дворов. «У каждого и Магадан свой», – подумал тогда Глеб. Парадный Петербург Глеб впоследствии узнал сам, без помощи Корнеева. Париж тоже – у каждого свой.

И у Глеба это был не литературный Париж. У Глеба он был исторический. Без Гюго, дом которого находился здесь неподалеку. Без Рембо и Бодлера, которых Глеб так и не прочел. Без Хемингуэя, который Глебу не понравился. Его Париж был Парижем королей и кардиналов...

Спустя пару часов его утомили и те и другие.

Побродив возле площади Вогезов, Глеб шагнул в первое попавшееся кафе и сел за столик, ожидая официанта.

– Speak English?

– Of course, – успокоил прыщавый парень в белом фартуке.

Через десять минут он пил красное «Мерло», а на салфетке, в которой принес бутылку прыщавый, виднелись бледно-розовые винные капли.

В хронике чувств, что накопились у Глеба за эти три дня, проведенных в Париже, не хватало восторга. Притом что Глеб знал за собой способность его испытывать.

С первого дня пребывания здесь у него было только предвкушение восторга, но, облазив вдоль и поперек какую-то часть достопримечательностей, он так и не ощутил... Счастья, что ли? Нет, Париж не был будничным – будничным был Глеб. Он, как пристрастный и придир-

чивый старикан-профессор, смотрел, слушал, записывал. Но как будто не чувствовал происходящего. Так различаются стихи – величие одних признаешь, величие других – чувствуешь. Чувствуешь до вставших дыбом волосков на руках и до горячих мгновенных мурашек в том месте, что у животных называется холкой.

Он допил первый бокал и налил еще. В доме через улочку засветилось уютным розовым темное доселе окно. Дверь в кафе отворилась, и на пороге, отряхивая с курточек только что заморосивший дождь, появились две женщины. Одна из них, высокая и породистая блондинка, была молода. Ей было, наверное, лет двадцать пять. Меньше чем на мгновение Глебу показалось, что он очень хорошо ее знал. Только поняв свою ошибку, почувствовал мощную волну запоздалого адреналина. Таковую, что даже руки мелко и противно задрожали.

Она запрокинула голову, перекидывая на сторону блондинистую копну тяжелых волос.

Женщины прошли мимо Глеба, и блондинка с улыбкой, которую она принесла с улицы, вдруг внятно произнесла, обращаясь к нему:

– Ça va? – и рассмеялась.

Девушки принесли с собой запах дождя, ветра и знакомого чем-то парфюма.

И все сложилось: пролился дождь – и пролились волосы. Засветилось розовое окно – и капли пролитого «Мерло» были тоже розовые. И пусть незнакомая блондинка была ему хорошо, слишком хорошо знакома. И теплая и тоскливая, немного забытая волна охватила его всего, и жизнь показалась вдруг такой короткой и таинственной... Он сидел, словно придавленный этим забытым чувством – печальный и счастливый одновременно.

Ça va?

Часть 1

1

Сумерки подползали к Питеру медленно и поздно – в этом смысле юг не шел с Питером ни в какое сравнение. Когда южная темнота еще была полна криков, шепота, смеха, северная – усыпляла, обездвигивала город и окраины его становились их – молодых волков – владениями. Им так казалось – молодым волкам, таковыми волками они себя ощущали.

Закир сидел на спинке скамейки в парке, расставив ноги и наклонившись вперед, брезгливо курил, сплевывая длинную, пузырящуюся слюну между модными черными штiblетами.

Гончаренко еще издали заприметил его фигуру, но приветствовать друг друга окриками радости не значилось в кодексе чести молодых волков.

Когда они были уже ближе расстояния вытянутой руки, Закир щелчком выкинул бычок и протянул Глеб вялую руку:

– Здоров... – Глеб поймал Закирово пожатие и как бы несколько устало ответил тем же.

Помолчав, Закир задал ожидаемый Глебом и тем парнем, что был с Гончаренко, вопрос:

– А это чо за пацанчик?

– Влад, – в пацанчике было крепко за метр восемьдесят.

– Влад-акробат? – равнодушно зарифмовал Закир.

Он ловко прокатил колесико зажигалки по бедру и жестом фокусника прикурил еще одну сигарету, озарив вспышкой лицо.

Потом, словно приняв какое-то решение, мягко спрыгнул со скамейки, оказавшись на голову ниже Влада. Распрямил спину, хрустнув позвонками.

– Ну пойдем...

– Куда? – неумно спросил Влад.

– Прогуляемся, – издевательски хохотнул Закир.

В парке совсем стемнело, и хаотичная пестрота листвы была видна только в местах, отобранных фонарями у темноты.

Молодые волки вышли на охоту.

Познакомились волки в начале осени. Общежитие, куда заселили Глеба и Влада при зачислении в институт, находилось рядом с тем, где обитал Закир. Закиру было уже лет тридцать. Общежитие Закира было общежитием медицинского института, как муравейник, набитое почему-то жителями Дагестана. Будущие врачи Дагестана, вместо того чтобы ходить на учебу, все больше сидели на подоконниках в коридорах и с отсутствующим видом дымили дерущую горло шмаль, не пробуждавшую в них веселости.

Конкретно Закир занимал комнату в общежитии уже пятый или шестой год, до сих пор называя «пером» обычный медицинский скальпель.

Глеб же с Владом, оба из южного портового Туапсе, обреченно закончив Туапсинский метеорологический техникум, без усилий, экзаменов и особого желания «вплыли» в Гидрометеорологический институт юными специалистами.

В первый петербургский месяц этого года, не до конца обживший свою новую камеру, не до конца отрезвевший от большого города и бесконечных посиделок, Глеб познакомился с Закиром.

Как-то во время одной из гулянок дверь в комнату, где происходило застолье, медленно распахнулась. В помещение ворвался сквозняк. Все обернулись. На пороге стоял Закир и, молча оглядывая сидевших, медленно перебирал в руке деревянные шарики четок.

Закир молчал, как бы принюхиваясь. Нагло оглядел нескольких пьяненьких девушек, страстно задерживая снисходительные, липнущие, как мухи, взгляды на ногах одной, груди другой...

При этом никто из компании не смог произнести ни слова.

– Здорово, брателло... – медлил Закир, и было непонятно, в каком числе он употребляет выброшенное слово.

– Здоров... – наконец-то решился Глеб. Ему показалось, что, если он не поприветствует кавказца, этого уже не сделает никто.

Закир легко шагнул в комнату и придвинул ногой одинокий стул. Сел на него верхом.

Потом лениво оглядел яства.

– Ну угощайся, что ли... – Глеб понимал, почему приутихло веселье с появлением этого загадочного человека.

– Покурим? – так и не представившись, Закир разложил на столе небольшой пакетик, свернутый из газеты, и стал набивать из него папиросу, роняя на пол драгоценные крошки. На его указательном пальце тускло сиял перстень, и почему-то именно он так приковывал взгляды присутствующих. Перстень двигался то туда, то сюда – набирая травы в папиросу и уплотняя ее внутри.

Одна из девушек встала и демонстративно вышла из комнаты.

– Хе-ге... – вдруг осклабился кавказец, и на его верхней губе явно обозначился шрам. – Че, телка испугалась?

– Не надо так, – осторожно заступился за девушку Глеб.

– Да ладно, – миролюбиво согласился Закир, сунул трубочку папиросы в губы и несколько раз провел туда-сюда, увлажняя папиросу слюной.

Потом ароматно поджег длинную «пушку», глубоко глотнул дыма и передал папиросу пацану слева.

Тот, все еще косясь на Закира, переадресовал угощение Глебу.

Преодолевая отвращение – слюна Закира все еще мерещилась ему на подсохшей папиросе, – Глеб тоже сделал затяжку, отметив отменное качество закировой «дури».

Через несколько минут мир тепло, как и всегда после травы, закачался.

Когда ополовиненная еще парой пацанов папироса вернулась к Закиру, он уже не казался таким страшным, тем более что не курившие немного осмелели и громкость застолья постепенно прибавлялась.

И вот уже Глеб, каким-то образом очутившись рядом с Закиром, слушал его, пытаясь удержать в себе рвущийся от шмали наружу смех.

– Питерцы – лохи, понимаешь, Гончар? – с южно-русским, таким же, как у Глеба, «г» да еще и с легким кавказским акцентом вкрадчиво говорил Закир, наклонившись к лицу Глеба так, что тот слышал запах сена и гнилых зубов дагестанца. – Тут по-легкому можно жить. И телок иметь, и бабки...

Гончаренко как-то вскользь представил себе маленького кривоногого Закира в окружении обнаженных питерских телок.

– Питерские телки – такие давалки... Я тебя чувствую, – продолжал Закир. – Видишь, какая у меня шмаль?

Глеб кивнул. Шмаль – да, была отменная.

– Вот надо немного поработать, – он криво усмехнулся и отвел глаза, – и у тебя будет такая шмаль. Можно и «черным» обзавестись. Телки... – повторял он это слово, как заклинание.

– И что делать надо? – Гончаренко потеревил бородку, выращенную им как раз перед приездом в Питер. Мягкая черная бородка была чеченско-дагестанского типа, густо закрывавшая только подбородок.

– Лохов разводить на бабки.

– Ну это как? – Глеб, примерно уже зная ответ, хотел уточнений.

Закир сворачивал вторую папиросу.

– Много не будет? – засомневался Глеб.

Дагестанец криво и загадочно усмехнулся.

Потом они еще о чем-то много и сбивчиво говорили. А потом... Закир исчез. Так же незаметно, как и появился. Исчез вместе со сквозняком.

А Гончаренко долго и тоскливо рвало в туалете от выкуренного и выпитого. Ночью заботливый сосед (комнаты-камеры были рассчитаны на двоих) поставил рядом с его кроватью постыдный, как ночное судно, эмалированный таз.

Прошло два дня, а Закир все не появлялся. Глеб начал было надеяться, что информация, долетевшая до него со сквозняком, имеющим привкус конопли, так и останется пустой, брошенной на ветер болтовней. Когда на третий день Закир, негромко постучавшись, нарисовался на пороге комнаты Гончаренко, у Глеба внутри неприятно заныло. В Петербурге он стал вдруг забывать, что у молодых волков юга не принято сорить словами.

– Хэ-ге... Здоров! – ухмыльнулся Закир, поигрывая четками.

– Здоров, – хмуро отозвался Глеб со своей койки.

– Ну, ты как? – задал Закир вопрос, и у вопроса, как у чемодана контрабандиста, было второе, скрытое дно.

«Я не пойду», – приподнявшись на локте, мысленно ответил Гончаренко и неожиданно для себя небрежно произнес:

– Да... Нормально...

Закир сел на край кровати, широко расставив кривые ноги, наклонился к Глебу:

– Слушай сюда... Часов в девять на «сквозняке». Там на скамейке я подожду... – немногословный дагестанец не говорил загадками – «сквозняком» был прозван парк неподалеку от общежитий. Скамейка – универсальное место встречи посетителей «сквозняка». По чьей-то прихоти во всем парке была только одна скамейка.

– Ты обещал пацанчика...

– Обещал, – помедлив, согласился Глеб, плохо припоминая обещание.

– Ты ему сказал, что надо только в сторонке постоять, да?

– Да без базара... – Гончаренко лишил ответ определенности. Чтобы сказать «пацанчику» про «сторонку», надо было сначала найти такого пацанчика.

– Ну что, – в разговоре Закир делал тяжелые паузы, как будто обдумывая каждое слово, – тогда до вечера.

Он встал, и пружинная кровать под ним внятно и визгливо всхлипнула.

– А это чего? – вдруг мрачно заулыбался он. – Типа бабу, – тут он сделал бедрами однозначный жест, – и на всю общагу слышно? Понты такие?

Отвечать нужно было сразу. И лгать при этом, потому как никаких баб в этой постели Глеба пока еще не бывало.

– Так вон и двери картонные... – нашелся он.

– Да... – к счастью, не вдаваясь в подробности, подтвердил кавказец. – О, у вас тут по ночам визг стоит, – усмехнулся он. И Глеб опять нехорошо подумал о дагестанце. Никакого визга по ночам в общежитии не стояло. Более того, если в конце лета, при заселении, еще тут и там слышались пьяные ночные голоса, то с началом учебы эти голоса приумолкли. И Гончаренко мог бы поклясться, что Закиру все это было известно.

– Подзаработаешь – будешь местных телок мацать на стороне, – пообещал Закир напоследок, и в голосе его Гончаренко почудилась соринка издевки. Когда конец фразы долетел до Глеба, за кавказцем уже захлопывалась картонная дверь.

От него, Закира, в комнате остался запах его кожаной куртки, горелой травы и табака. Такие запахи сегодня имел персональный запах гончаренковской тревоги...

Он полежал еще немного, отдавая то время, когда придется-таки встать, спуститься этажом ниже и постучать в комнату, где жил Влад, на которого Глеб и хотел попробовать примерить роль «пацанчика». А вернее – совсем не хотел, но обещание, данное Закиру, тяготило, как карточный долг, за неотдачу которого уже последовали угрозы.

– Да! – приглушенно донеслось из-за двери, до которой, преодолевая отвращение, добрался Глеб.

Влад лежал в той же, что и десять минут ранее Гончаренко, позе, заложив за голову большие руки. Ноги в синих трико были закинута одна на другую. Серые носки подмигивали розовыми дырочками.

– Заходи, Гончар, – не меняя позы, произнес Влад.

– Чего делаешь? – зачем-то спросил Глеб.

– Домой хочу, – неожиданно отозвался Влад, почесавшись. – Чего в этом Питере делать? В институте сидеть? Я там вообще ничего не понимаю. Прикинь, Светлова сегодня отличилась...

– А дома ты что делал? – перебил Глеб. В том, в чем признавался ему Влад, Глеб боялся признаться даже самому себе.

– Да там хоть телевизор был! И матушка готовила...

– Гулять не пробовал? – Глеб услышал в своем вопросе отголоски превосходства. И с удовольствием отметил про себя этот факт.

– Да ты сам много гуляешь? – широко «акая», лениво отмахнулся Влад.

– Ладно, – отмахнулся Гончаренко, чувствуя, что положительный ответ не произведет впечатления. – Есть тема.

И сел на краешек кровати, копируя Закира, расставляя пошире ноги и наклоняясь вперед.

Молодые волки вышли на охоту.

Закир шел чуть впереди, расставив кривые ноги и зябко держа в карманах сжатые кулаки. Глеб и Влад молча двигались за ним – вожаком стаи. Невероятное богатство, добытое с минимальными усилиями, почему-то не несло стремглав им навстречу. Прохожих в парке просто не было. Зато пошел мелкий, прерывистый, как пунктир, дождь. И перспектива разбогатеть все уменьшалась...

Матерчатые тапочки Глеба начали промокать. Ему тоскливо захотелось в свою комнату с лампочкой на витом коричневом проводе, к поношенным обоям, даже к конспектам с непонятными дифференциальными уравнениями, которые с легкостью фокусника писал и тут же уничтожал тряпкой молодой бородатый математик.

– Давайте перекурим, пацаны, – молчаливый и мрачный, Закир вдруг подал голос. «Пацаны» в его устах звучало извинением.

– Да никого тут нету, – наконец осмелел приунывший Влад.

Закир достал сигареты и пригласительно протянул своим волчатам пачку. Сигареты, к еще большему унынию Глеба, оказались дешевыми. Сказка о богатой жизни рассыпалась на части, как размокшая, забытая под таким же дождем скучная книга.

Все трое закурили хмуро и молча.

– О, тема! – вдруг выпрямился Влад, глядя куда-то сквозь дождь. Этот глупый возглас Глеб запомнит надолго и наедине с собой будет нередко вспоминать его, с гадливостью отворачивая при этом лицо, как если бы перед ним поставили тарелку с прокисшей едой. Дегенеративное словосочетание с дегенеративным контекстом – поймет Глеб.

– Тема! – повторил Влад, и Глеб и Закир тоже уставились туда, где сквозь морось двигалась медленная сутулая тень.

Закир подтянулся, да так, что Глебу почудилось, будто на его теле под курткой напряглась и задвигалась кожа, как у больших хищных кошек при виде добычи.

Тень приближалась, и уже видны были белые кроссовки парня и нейлоновая яркая куртка синего цвета. Когда жертва уже поравнялась с ними, Глеб увидел торчащие из-под капюшона провода – человек был в наушниках.

– Э! – окликнул его Закир.

Парень в наушниках продолжал движение. Он, кажется, даже подпрыгивал в такт невидимой музыке.

– Э, слышь... – Закир втоптал сигарету в щебень тропинки, сделал несколько быстрых шагов к синей куртке и схватил парня за плечо. «Наверное, не настолько грубо, чтобы чувак испугался», – подумал Глеб.

Парень обернулся и левой рукой сдернул наушники. Из повисших на груди динамиков послышалось цоканье музыки, спрятанной в плеер.

– Чего надо? – с полуиспугом, поэтому громко и высоко, спросил он и сделал шаг назад от Закира. Парню едва ли исполнилось восемнадцать.

«Бежал бы, дурень», – вдруг подумал Глеб и тоже медленно подошел к Закиру.

«Интересно, как он скажет? Или будет бить сразу?» – проносились в голове Глеба неуместные вопросы.

Закир несильно ткнул парня в живот:

– Деньги давай...

– Чего надо? – еще выше и трусливее повторил тот. А потом взвизгнул такую детскую испуганную глупость, от которой даже Глебу стало смешно и гадко: – Я сейчас милицию позову!

Понятно, что сама идея найти милицию в этом непросыхающем месте могла вызвать лишь усмешку.

И тут Закир ударил его в челюсть.

– Милицию? – жестко повторил он с резко выраженным вдруг кавказским акцентом. Парень схватился за лицо, а Закир добавил ему кулаком прямо в ладони. Тот, защищаясь от ударов, отстранил руки от лица, и Глеб разглядел на его губах какую-то черную жидкость. «Его вырвало?» – опять задал себе дурацкий вопрос Глеб и тут же с облегчением понял, что это всего лишь кровь.

– Не бейте, – загнусавил вдруг парень. – Я отдам, не бейте...

Чувство отвращения побеждало в Глебе жалость к жертве. Отвращение к слабому, слезливому, пусть не развившемуся до конца, но мужчине.

Закир, казалось, не слышал просьб и мощно зарядил парню в грудь, отчего тот, издав незнакомый, икающий звук, рухнул на землю.

– Теперь давай, – согласился дагестанец и снисходительно ждал, пока жертва выкладывала на дорожку богатство, путая монеты, ключи, купюры...

– Всё, – поверженный снизу вверх вопросительно глядел на кавказца.

– А если проверю?

– Всё, – утвердительно закивал парень, и по его уверенности Глеб рассудил, что тот не врет.

– И вот это, – Закир поковырял у себя в ухе.

Пацан с готовностью выложил перед Закиром кассетный плеер, предварительно расстегнув синюю куртку. Издали могло показаться, что парень отдал Закиру свое сердце.

– Иди, – дагестанец брезгливо толкнул сидящего ногой в спину, и тот, прочертив ладонями по щебенке, вскочил.

– Э-э, – неожиданно миролюбиво протянул Закир, – а у тебя телка своя есть? – и, не дожидаясь ответа, рассмеялся.

В полутьме они собрали деньги. Глеб прикоснулся к плееру, отметив, что плеер еще хранил запазущее тепло своего бывшего хозяина.

– Э, поторопитесь! – скомандовал Закир и быстрой, хотя и не срывающейся на бег походкой двинулся в сторону выхода.

– А вдруг ментам стуканет? – простодушно размышлял Влад, послушно шагая за вожаком.

Глеб шел последним. Он почему-то не хотел поднимать глаза на спины подельников и наблюдал, как его летние туфли своими носками разбрасывали бурые в полутьме кленовые листья. Проходящие мимо фонари вдруг расцветивали бурую гамму в желтое, но через десяток шагов цвета опять тускнели.

Когда-то, еще ребенком, Глеб умел смотреть. На костер и на волны Черного моря, мечтая при этом сначала о путешествиях, потом о девушках. А потом он узнал, что молодым волкам не свойственна сентиментальность, и как-то сами собой эти занятия прекратились. Сейчас же ажурная кленовая одежда, шуршащая под ногами – левой-правой, – вдруг напомнила ему это детское, бессмысленное и наполненное надеждой созерцание.

– Ну, Гончар, я же тебе говорил, питерцы – лохи, – негромко заговорил Закир, когда они вышли с другой стороны парка.

– Без базара, – с готовностью отреагировал Глеб, чувствуя, что сказать хотел что-то другое.

– Ну, немного лаве подняли, – продолжал дагестанец. – Хотя это, конечно, так... – и он сделал брезгливый жест, будто отбрасывал от себя что-то неподходящее. – Погода подвела...

– Пойдем пива возьмем, – засуетился Влад, – или водки. И к нам!

– Нет, к нам я не хочу, – мрачно отозвался Гончаренко, не подозревая сам, как много смысла вкладывал он в горстку неказистых слов. Помимо того что Глебу не хотелось нести домой добытые сомнительным способом деньги, он не желал продолжения вечера именно дома. Туда, где должна быть крепость, он не хотел добровольно пускать лазутчиков. Но все это было не главным – главным было то, как разделит деньги Закир.

Закир мог забрать деньги себе, отчислив крошечный процент на пару пива своим подельникам, и был бы прав. Закир мог благородно поделить все деньги на троих. Нет, не мог. Это Глеб уже понял. И поэтому сохранял молчание и нейтралитет.

Они пересекли пустую улицу, завернули в темный двор, окруженный серыми молчаливыми домами. Тут же, во дворе, обнаружили детский, полинявший от времени грибок. Расположившись под ним, по приказу Закира стали вынимать деньги из карманов.

– Это мои, – осекся Влад, положив в общую горстку, вероятно, свою купюру.

– Эй, какие твои? – засмеялся Закир и ударил Влада по руке, забирающей деньги обратно.

– Мои! А, Гончар? – тихо захохотал он, как бы обращаясь за поддержкой к Глебу.

Наконец, выудив последние монеты, он принялся считать, сложив тоненькой пачкой купюры.

– Это вам, – отмусолил он по две худые банкноты Глебу и Владу.

– Все честно, а? – зачем-то спросил он и пододвинул к Владу пластмассовую коробку плеера: – Вот это можете продать! Это дорогая вещь!

Вещь была дешевая. Очень дешевая. Царапанная и разве что не обмотанная изолентой. Глеб представил себя и Влада такими корабейниками на барахолке.

– Мелочь тоже заберите. Там много!

– Ну да... – обреченно подтвердил Глеб. В сущности, они с дагестанцем ни о чем не договаривались.

Денег и так было немного, но им с Владом досталась такая гнусная их доля, что, кроме как пропить, деньги было девать некуда. Тем более что Закир почти предупреждал его, Глеба, что деньги будет некуда девать.

– Пойдем отметим? – убирая свою долю в карман спортивных штанов, предложил Закир. – Я еще и палец об этого поцарапал... – в доказательство он сунул Владу под нос кулак, с пальца которого предварительно снял тот самый перстень. Вместо металлического перстня на пальце остался синеватый подтек.

Молча встали. Коробочка плеера так и оставалась лежать на сиденье грибка. Видимо, и Влад что-то такое почувствовал.

– Возьми... – кивнул Глеб Владу.

– Сам возьми. У меня ни одной кассеты нету.

Да, почувствовал Влад.

Под хитрым взглядом Закира Гончаренко сунул плеер в карман куртки. Его прежнему хозяину плеер был куда нужнее.

Когда они выходили обратно на улицу, Закир произнес:

– Тут летом такие телки ходят... Можно и... – и опять сделал бедрами недвусмысленный жест.

И Глеб уже ни капли не сомневался в том, что хитрый кавказец лжет.

Возле ларька подельники выпили по бутылке теплого и крепкого пива, и Глеб неожиданно захмелел. Усталость тревожного вечера дала-таки о себе знать. Выпив, взяли еще по одной. Пили молча и почему-то быстро. Словно торопились убежать от неудобных воспоминаний.

Закир поставил бутылку под ноги, рыгнул и сообщил:

– Ладно, пацаны... Я сегодня еще телке одной обещал присунуть.

– Ну давай! – Глеб торопливо сунул руку дагестанцу. Влад попрощался молча.

– Я к тебе зайду, Гончар, да?

– Само собой, – с натугой ответил Глеб, думая о том, что трое молодых волков поужинали мышью! Чему же они рады?

Закир повернулся на каблуках и, раскачиваясь, пошел в сторону, противоположную его общаге.

Глеб и Влад остались вдвоем.

– Давай водки возьмем... – предложил Влад, и Глеб заметил, что в отсутствие Закира голос Влада становится ниже и уверенней.

– Другого выхода нет, – подтвердил он.

Они шли вдоль парка, часто останавливаясь и прихлебывая прямо из горлышка. Запивали пивом. В общем, делали все, как полагается.

Выйдя на мостик через какую-то, не имеющую, очевидно, названия, черную канаву, Влад остановился и, не глядя на Глеба, спросил:

– Ты тоже думаешь, что он нас кинул?

– Нет.

– Ну я тебя понял, понял! – заторопился Влад. – Но если бы нас споймали?!

– Что сделали? – Глеб не смог сдержать улыбки.

– Споймали! А, ладно тебе к словам цепляться. Ты же кричал: «Бабок поднимем!»

– Я не кричал. Я говорил, – медленно произнес Глеб.

– Говорил, кричал – какая разница! Подняли денег – пива попить. Не-е, я больше никуда не пойду.

И Глеб с тоской подумал, что ему, Глебу, отказаться будет не так просто.

Он вынул из кармана похищенную музыку. Повертел в руке.

– Тебе надо? – спросил он Влада.

– Да куда? – с презрением процедил тот, все еще злясь на Закира за подброшенную им дешевку.

Глеб запустил коробочку, как вертолетик, и она с шорохом и тут же всплеском навсегда исчезла в черной воде.

– Хоть бы посмотрел, что там за кассета.

– А! – отмахнулся Глеб.

– А питерцы все же лохи! У них даже выговор какой-то... Как у пидоров! – неожиданно заключил Влад, мягко гэкнув в слове «выговор».

Когда Глеб вернулся в свое жилище, сосед ужинал. Пахло подгорелой гречневой кашей.

– Ты откуда такой мокрый? – поинтересовался сосед и принялся аккуратно разгребать гречку по краям тарелки.

Глеб только выругался в ответ.

– Ну не хочешь говорить, и не надо, – пробуя гречку на вкус, равнодушно произнес тот.

Глеб снял обувь, лег на кровать, по общажной привычке заложив руки за голову. В пьяной голове вертелись неожиданные, трезвые мысли. И очень хотелось женщину. Девушку. Хотя эти слова еще не дооформились. Спроси Глеба тогда, что ему нужно, – и он бы без колебаний ответил: «Телку!»

Вопреки желаниям, ему приснилась мать. Теплый сон хотелось смотреть долго-долго, но пересушенный алкоголем рот не позволял даже пошевелить языком.

Глеб встал и в полной темноте, почти на ощупь, напился из горлышка чайника. Снова лег. Электронные часы со светящимся циферблатом показывали шесть. Через два часа нужно было просыпаться в институт, но очень болела голова и хотелось яблок.

2

Между тем обычная жизнь понемногу стала увлекать Глеба. Он довольно прилежно ходил на лекции и не пропускал практических занятий. Причем конспектировать лекции он привык, даже не понимая смысла написанного. Особенно если дело касалось высшей математики или физики. Основы прикладных наук, наподобие геологии и метеорологии, были, пускай и насильно, заложены в техникуме.

Бесцветная масса одноклассников к концу сентября распалась наконец на индивидуумов.

Наверное, среди них не было волков, да! Но Глеб вдруг почувствовал, что не обязательно становиться волком там, где в основной массе присутствуют обычные, нормальные люди. Даже так – становиться волком было глупо. А главное – незачем!

И к концу сентября Глеб прекратил порываться на новых товарищей из-под поношенной шкуры и принял некоторые из правил нового коллектива.

И только после этого увидел вдруг, что коллектив вопреки написанным другими волками правилам повернут к Глебу почему-то лицом. Ему давали переписать конспекты. Курящие делились с ним сигаретами. Пару раз даже угощали пивом...

Глеб и еще двое его сокурсников сидели на скамеечке во дворах. Кленовые листья, похожие на отпечатки пятерни, украшали пространство. Они были везде – на деревьях и под ногами. Перелетное небо еще не поблекло и светилось солнечно-голубым.

– У нас все не так, – жмурился Глеб на солнце и вопросы товарищей.

– Что не так-то?

– Да все, – загадочно произносил он, в замешательстве ногтем обдирая этикетку с пивной бутылки.

– У нас все не так, – повторял он уже с каким-то вторым смыслом. – Все не так, по-другому!

Закир появился, как и всегда, неожиданно. Сперва картонная дверь пискнула от сквозняка, потом распахнулась, впуская в нору Глеба звуки и запахи коридора. Сам Глеб сновал между плиткой и раковиной, сливая сваренный рис. То, что в общаге придется более-менее регулярно питаться, в отличие от своих соседей он понял как-то сразу.

– Привет! – бросил Закир так, будто они расстались только вчера.

– Здорово, – вместо мокрой руки Глеб протянул Закиру запястье.

– Обедаешь? – нелогично спросил Закир. Все же был уже девятый час вечера.

Гончаренко кивнул. Потом помялся и предложил кавказцу:

– Будешь?

– Да не-э, – как бы даже немного брезгливо ответил тот. Потом сел на кровать отсутствующего соседа.

Молчание с Закиром всегда казалось Глебу отягощенным. Молчание в ожидании удара или подвоха...

– Хорошо живешь! – Закир кивнул на тарелку с рисом. Потом перевел глаза на сковородку, где в золотистой поджарке терялись из виду кусочки дешевой и малогабаритной сардельки.

– Так угощайся, – предложил второй раз Глеб, еще не понимая, куда клонит неудобный гость.

– Да не-э, – повторил тот и вдруг излишне заинтересованно уставился на сохнувшие на веревке под потолком джинсы, выстиранные Глебом накануне.

– Оба-а, – прищелкнул он вдруг пальцами, да так неожиданно, что Глеб вздрогнул. – Да это «Стьюмен»...

Глеб хорошо знал, что на этикетке дешевых китайских или турецких штанов стоял неизвестный ему лейбл Stillmen. И не сразу понял восторгов Закира.

– Че, Глебка, хорошо живешь? – Гончаренко впервые услышал в свой адрес «Глебка», и в этом «Глебке» ему почудилось что-то презрительное. Он даже не осознал, вопрос ли это или констатация факта.

Но слегка позабытый в Петербурге кодекс чести настоящего мужчины не позволял Глебу ответить просто и честно: «Сарделька с рисом и китайские (или все-таки турецкие?) потертые джинсы – куда уж лучше». У настоящего мужчины должны быть деньги! И, уже немного понимая, к чему идет дело, Глеб все же ответил так, как подсказывал ему неизвестно кем и для кого изобретенный кодекс:

– Нормально!

– Слушай, Глебка, дружище, – кавказский коршун стал сужать круги над потенциальной добычей, – у меня тут день рождения было...

– Поздравляю, – уныло ответил Глеб, понимая, что попался.

– Мне бы баксов двести на недельку... Потратился! Я тебе в следующий понедельник занесу. Потом пойдем еще поработаем, и весь навар тебе пойдет – поднимешься немножко! С процентами отдам!

«Еще не взял, а уже отдает с процентами!» – подумал Глеб. От того, что двухсот баксов не было, легче почему-то не становилось. Он же не мог сказать Закиру, что у него совсем нет денег. На какие-то суммы он все же живет. Тем более что сам только что задекларировал свое существование как «нормальное».

– Таких сумм у меня нет, – осторожно пятился Глеб, подсчитывая, чем можно откупиться от полного грабежа.

– Давай сколько есть, – обреченно и чуть ли не печально ответил кавказец.

Глеб мысленно перебирал деньги в кошельке. В институтской столовой он покупал макароны с подливкой и чай. Сдача там – минимальная. Весь капитал Глеба помещался в тумбочке между страниц пухлой и аппетитной книги по истории России. Когда было необходимо, Глеб вытягивал из книги купюру и жил на нее, пытаясь растянуть на максимальный срок.

В общем, показывать Закиру эти купюры не следовало.

И было еще сто долларов – одной, хуже того, одной-единственной бумажкой! Бумажкой, которая в будущем должна была трансформироваться в зимнюю куртку и теплые ботинки. Пока не наступила зима, неконвертируемая пока в одежду и обувь, бумажка грела душу гораздо больше.

Эти деньги лежали отдельно.

Не будь рядом Закира, Глеб, наверное, придумал бы какой-нибудь третий вариант расставания с деньгами. Такой, чтобы данная в долг, а скорее всего навсегда, сумма не пробила критической бреши в бюджете. Однако для обдумывания вариантов требовалось время. Время, которого не было!

Глеб нагнулся к тумбочке, встал на корточки...

– Да ладно тебе мельтешить! Сказал же, отдам через неделю... – поторопил Закир и даже хохотнул при этом.

Мгновенная волна омерзения и стыда прокатилась по всему телу Глеба. Он промолчал.

Разогнувшись, он протянул Закиру сотку. Сложенная вчетверо, она выглядела так, будто Глеб достал ее из очень потайного кармашка.

– О, – оживился тот, – двести нету? – он говорил так, будто спрашивал горсть мелочи на сигареты.

– Все, что есть, – холодно ответил Глеб.

– Да ладно... – усмехнулся Закир. – Все равно спасибо! Я еще сотку у Шаха займу. Ты знаешь Шаха? Нет? Познакомлю!

Глеб молча давился рисом. Есть ему, естественно, расхотелось.

– Ладно, Глебка, пойду... Я на неделе зайду – там дело будет! – Закир поднялся, расправил спину. Покряхтел.

– Да чо ты грустишь, Гончар! – вдруг хлопнул он Глеба по плечу. – Будут лаве! Подожди немного, и все будет! – эти слова были произнесены с особым, усиленным кавказским акцентом. Так, будто акцент служил прикрытием обычной лжи, которая не имеет национальности.

Когда дверь за дагестанцем захлопнулась, Гончаренко отставил тарелку в сторону. Проглотив обиду, можно было уже не ужинать.

Глеб не смог бы ответить на вопрос, почему он повел себя именно так. Почему просто не сказал Закиру о том, что денег нету? Начались бы вопросы? Да! Но неужели ответы на эти вопросы не стоят ста единиц американской валюты? Конечно же, стоят! Может быть, он боялся, что Закир приведет, например, того же Шаха («Хочешь – познакомлю?») и они с Шахом изобьют Глеба и отберут все деньги? Снова нет. Закир осторожен, да и вообще эта мысль какая-то варварская... Просто Глеб боялся уронить свое достоинство в глазах кавказца. А когда достоинство в упадке, стоит ждать следующего шага – презрения.

В общем, чтобы откупиться от презрения плохо знакомого ему плохого человека, Глебу пришлось выложить небольшую сумму и даже радоваться тому, что дешево – ну, не так дорого – отделался.

Занимательная математика.

Глеб сидел, ошарашенно теребя пойманную ниточку этого мудреного психологического клубка. Еще третьего дня он пил пиво за чужой счет только потому, что не мог выделить на эту статью расходов своих денег.

– Ты чего такой грустный? – деловито поинтересовался явившийся сосед. Большой и румяный, как выкупанный слон, сосед вернулся поздно с курсов водолазного дела.

«Интересно бы посмотреть на него в скафандре», – подумал Глеб, но вслух только невнятно выругался.

– Понятно, – не заметил агрессии тот.

Глеб взял сигарету и вышел в коридор. В сером его тоннеле было накурено и прохладно. За одной из дверей излишне громко голосил телевизор.

На неделе Закир к Глебу не заходил. Притом что, сам себе не признаваясь, Глеб пытался быть дома по вечерам. Минимальная надежда на благородство кавказца у Глеба все-таки сохранялась. Спустя же положенный срок, когда Закир не появился, Глебу вдруг полегчало. Может быть, за сто долларов Глеб просто откупился от назойливого и опасного кавказца, и, как ни странно, эта мысль не казалось Глебу такой уж глупой. Пошла вторая неделя, и с каждым днем надежда Глеба крепла и ширилась. Он стал замечать, что уже боится появления этого человека.

Утром он двигался в сторону автобусной остановки. Под летними туфлями хрустела схваченная первым морозом трава. Издалека, одинокого, заметил на остановке Влада. Влад учился на другом факультете, и виделись они нечасто.

– Здоров!

Глеб кивнул.

– Ты про Закира слышал?

Глеб насторожился и, еле сдерживая волнение, коротко ответил:

– Не...

– Ха, убили Закира, – было не очень понятно, чему радуется Влад, но его радость была как-то очень очевидна.

– В смысле?

– Да ты чо, Гончар! Проснись! Насмерть, понимаешь? Мне вчера Шах рассказал.

– Ты знаешь Шаха?

– Ну! – подтвердил Влад. – Еще бы! Такого шакала не знать! Короче, его вчера в парке нашли!

– Шакала? – все еще путался от неожиданности Глеб.

– Закира, тоже шакала, – подтвердил Влад. – В парке с проломленной башкой. Шах говорит – откуда-то из листьев выволокли, он уже заоченел весь!

– Он там был? – спросил Глеб так, будто хотел еще раз перепроверить все данные и получить подтверждение.

– Шах? Да вроде был...

– Ясно! – подтвердил Глеб и поймал себя на том, что произнес «ясно» для того, чтобы не сказать обычное в таких случаях другое – «жалко». Потому как не жалко.

– Да не расстраивайся ты, – продолжал Влад. – Тогда-то он нас практически кинул!

– Практически? – посмаковал слово Глеб и усмехнулся.

– Ну чо ты к словам цепляешься... Ты, кстати, помнишь, как он от нас тогда ушел?

– Как?

– Да к телке, говорит, пойду. Присунуть...

– Ну? – Глеб уже догадывался, о чем пойдет речь.

– Его потом видели в ихней общаге. Ни к какой телке он тогда не ходил!

– А-а... Я знаю. Ладно, вон автобус идет. Поехали...

Весь день Глеб ходил в непонятном, легком настроении. Не то чтобы он радовался чужой смерти, скорее на саму смерть ему было наплевать. Но он искренне радовался тому, что за распахнутой сквозняком картонной дверью теперь уж точно не окажется неслышного, хитрого кавказца.

Придя в этот вечер домой, он долго мылил пенкой для бритья чеченскую бородку. Потом, глядя в осколок зеркала над раковиной, скреб ее безопасной бритвой. Сбрызнув одеколоном, оглаживал ладонью голый подбородок.

Из осколка зеркала на него глядел молодой человек с брюнетовым ежом волос совсем обычной и ничем не примечательной внешности.

3

В начале ноября выпал первый снег. Пушистый и неожиданно холодный. На юге такой снег выпадает редко – на юге снег чаще всего встречается в морозильниках.

В институте все было по-прежнему, хотя знакомые со старших курсов все чаще страшили первокурсников предстоящей сессией, и эта перспектива испугала Глеба только сейчас. Он вдруг с каким-то тоскливым чувством подумал о том, как скорее всего сложится его судьба. Несданные экзамены, отчисление... Отъезд обратно домой и, наконец, закономерная армия.

Экзаменов Глеб ждал с ужасом. Он вообще не понимал, как можно сдать экзамен по высшей математике, например. Как можно ответить то, в чем ты не понимаешь вообще ничего. Немного в меньшей степени это касалось физики.

Когда от постоянного ощущения тревоги появлялась усталость, Глеб обреченно думал, что жить в Петербурге ему осталось месяца три. И с какой-то незнакомой ему доселе сентиментальностью возвращался вечерами к себе в комнату.

Озвучив однажды свои опасения Славке Корнееву, он почему-то еще больше уверился в неотвратимости отъезда.

С Корнеевым они сблизились вполне закономерно, хотя разговорились вроде бы случайно. Слишком долго наблюдали друг за другом с интересом, чтобы не разговориться.

Корнеев был слегка начитан. Его кругозор был немного более широк, чем у окружающего большинства. Он чуть-чуть выделялся среди других богатым словарным запасом и кроме того писал стихи, что странным образом не вызывало у Глеба отвращения...

Как-то раз, выпив пива, Корнеев читал Глебу свое творчество, и Глеб, с неохотой и стеснением согласившись послушать, вдруг обнаружил в себе странный интерес к корнеевской недопоэзии. Ловко, как в школьных учебниках, складывались слоги и рифмовались слова, на первый взгляд не похожие друг на друга.

Зажгутся огни на проспекте Невском,
А мне не уснуть, потому что не с кем.

Эта строчка вообще запомнилась. Тем более что была актуальна. Весь октябрь Глеб ухаживал за красивой, высокой соседкой по общежитию со второго этажа. Ухаживания не увенчались успехом, хотя он нередко оставался у нее ночевать. Такое случается. Умный Глеб сделал из всей этой истории интересный вывод, что секс – еще не конечная и не самая близкая стадия отношений. И этот вывод как-то сразу поднял его над многими и многими теми, кто хвастался в курилке своими половыми викториями.

Корнеев был хорош тем, что мог бесконечно и бесцельно шляться по городу. И неназойливо он втянул в свои шатания Глеба. Корнеев любил город больше, чем знал. Его знания были обрывочными и поверхностными – их плюс был в том, что их было много. Корнеев мог перепутать Лебяжью и Зимнюю канавки, но при этом наизусть помнить названия мостов по всей длине Фонтанки. Глеб, особенно первое время, когда он мог перепутать саму Фонтанку с Мойкой, старался не упускать возможность совместной прогулки.

– Меня, наверное, выгонят на... – матерно поясняя куда, жаловался Глеб, когда они бродили вдоль Крюкова канала, где собор и колокольня цвета уже забытого в ноябре перелетного сентябрьского неба бросали прозрачные тени на выпавший снег и, не замерзшая еще, чернела и дымилась вода в канале.

– Да ведь не ты один ничего не понимаешь... – вяло подбадривал Слава, хотя говорил правду. По тем результатам, что имел сам Корнеев на данный момент, можно было судить о

том, что он-то далеко не последний студент в группе, однако и он не мог разобрать пространные лекции бородатого доцента.

– С практикой я тебе помогу, – продолжал он. Старая ведьма с крашеными прядями, ведущая практику, задавала домой длинные, как сороконожки, уравнения.

Глеб благодарно кивал, и они шли дальше – мимо дома, где умер Суворов, выходили к Фонтанке.

Когда уже в начале двенадцатого они подходили к метро, Корнеев подвел финальную черту:

– Ну, бодро пробежались...

– Только ноги вымокли... – глупо хохотнул Глеб и попытался пошевелить пальцами ног, обутых в те самые летние туфли.

Слава посмотрел на его обувь.

– Что, денег нет? – спросил он, все еще глядя вниз.

– Да... – неопределенно пробормотал Глеб.

– Я попробую у родителей спросить... – просто сказал Слава. Глеб промолчал, по опыту зная, как быстро забываются такие обещания.

В понедельник Корнеев разыскал Глеба перед первой парой.

– Слушай, денег сейчас нет... – ожидаемо произнес Корнеев.

– Да ладно... – «Я и не рассчитывал», – чуть не сказал Глеб.

– У тебя какой размер?

– Что?

– Обувь какого размера? – повторил Слава и принялся стаскивать с плеч объемный рюкзак.

– Сорок третьего...

– Ну на вот, померь, – Корнеев вытряхнул из рюкзака связанные шнурками новые ботинки. – Это кожа. Отец сказал тебе предложить...

Глеб сел на ступеньки лестницы. Снял многострадальную туфлю и примерил правый ботинок. За ним – второй. Встал, попрыгал... Ботинки хоть и были грубыми, рабочими, но были не только впору соскучившемуся по нормальной обуви Глебу, но и добавляли необходимой тяжеловесности его походке.

– Спасибо! С меня причитается...

Корнеев, крепче пива ничего не употреблявший, казалось бы, даже не понял последней фразы.

В тягостном ожидании последующих трагедий Глеб встречал Новый год. Даже подготовка к празднику напоминала Глебу пир во время чумы. Ну если не чумы, то какой-то менее страшной, но тоже опасной эпидемии. Всем студентам хотелось забыть о сессии хотя бы на два-три дня. Причем отличникам и хорошистам это с легкостью удавалось.

Общага сдвигала столы и переносила стулья. В чрезмерных количествах запасалась водкой. Доставала присланные из дому разноцветные соленья и варенья. Сентиментальный парнишка из города Алексина приволок на радость девичеству потрепанную, но пахнущую лесом и праздником елку, наряженную впоследствии всем тем, что подвернулось под руку: мандаринами на веревочках, фонариками из цветной бумаги и дождевиком из бумаги туалетной...

Еще по временам техникума Глеб знал всю программу предстоящего празднования. Проводить – в одиннадцать. И это еще не значит, что до самих проводов возбраняется выпить холодного пива. Поднять бокалы в двенадцать. Это понятно. С двенадцати до половины первого – как следует закусить, молча жуя, после – танцы. До утра, до упаду... С перерывами на возможные, но необязательные пьяные слезы дам и легкий мордобой, переходящий в объятия, – кавалеров. Какое-то удручающее отсутствие сюрпризов. И, к сожалению, даже подарков...

Тут дело такое – подарков ждут парни, у которых есть... конечно, уже не телки, но и не девушки тоже. Барышни... Дамы... Сударыни...

В общем, лучшим подарком Глебу была бы как раз... барышня, дама... Глебу могло бы взгрустнуться по этому поводу, но только в том случае, если бы в поле зрения был какой-то объект симпатии.

Объекта не было. Высокая и красивая октябрьская симпатия, перейдя в категорию бывших, почему-то утратила обаяние. Да и отмечала праздник где-то в другом месте.

Надеяться на чудо не приходилось.

В одиннадцать – проводили, хотя и до того уже пили теплый и густой портер, отхлебывая прямо из бутылок.

В полночь звенели бокалами, которых не хватило. Обделенные приспособили под фужеры чайные чашки. Выслушав поздравления президента, жевали, перекидываясь словечками, самое частое из которых было «передай». Главным блюдом стола в разнообразных ипостасях были огурцы. Соленые и маринованные, протертые с солью, уксусом, сахаром и укропом... Присланные из разных концов необъятной страны – от Ставрополя и Ростова до никому не известных заповедных городов Сибири.

С огурцами соперничало лечо.

Редким и желанным гостем застолья являлась колбаса.

И в отношении к бедности стола Глебу виделось различие между учениками туапсинского техникума и студентами вуза: если первые стеснялись бедности стола, то новоявленные студенты пытались шутить. «Бедность легче переносить тогда, когда она – объект насмешек», – думал Глеб.

Гости и хозяйева – всего человек пятнадцать – поели и выпили еще. Стало жарко и весело. Кто-то – лучше поздно, чем никогда – раздобыл допотопную гирлянду на елку. Потушили основной свет, и стало уютно.

– Слушайте, как кайфово, – неловко начала полная девушка из Ростова. За убогостью выражения проступали чувства, для которых не хватало словарного запаса. – Мы в Питере празднуем Новый год! Я бы никогда и не подумала...

– Да не говори, – подхватила ее подруга, и Глеб заметил, что ее южное гэ-канье, от которого невольно избавлялись приезжие студенты, режет слух. Оно было слишком узнаваемое в любой компании петербуржцев. Невидимое клеймо провинциальности.

Девки немного потрепали удобную тему (подтекст – «мы – победители»), и Гончаренко с тоской подумал, что еще месяц-другой, и кому-то из них суждено на щите въехать обратно в свои города-замухрышки. И потом, вероятно, рассказывать своим родным о том, как он, а скорее она, «побывали в Питере».

Рюмка-другая – и Глеб уже убегал хотя бы до утра от этих мыслей, уже, забыв про сигарету в руке, спорил, перекрикивая музыку, с Владом, по-дружески обнимался с одной из хозяек комнаты, ходил между танцующими с зажженными бенгальскими огнями, которые он прикуривал один от другого.

Под утро те, кто не форсировал алкоголь, высыпали гулять.

На улицах было людно. На площадке перед общагой люди с маленькими детьми соорудили очередной фейерверк. Поджигали и с криками «Разошлись!» разбегались по сторонам. Через несколько мгновений с пронзительным воем в небо взмывала невидимая ракета, начиная дробиться и сыпать искрами в ночной темноте. Зрителей обдавало холодным, мигающим светом под сухой треск и крики «Ура!». Глеб тоже кричал «Ура!» и пил пущенное по кругу шампанское из горла...

А потом – потом ему показалось, что все вокруг застыло на одну двадцать четвертую секунды, на кадр – и этот кадр вместил в себя и картинку, и ощущения, испытываемые в этом кадре Глебом.

Шампанское, бегущее по губам и стекающее на воротник одной из девушек, когда она слишком уж наклонила бутылку. Матовый свет от ракеты, падающий на запрокинутые и поголовно восторженные лица. Физиономия незнакомого мужчины, за мгновение до этого произнесшего: «С Новым годом, ребята!» Чья-то скачущая по снегу дворняга, смешно запрокидывающая лапы... С Новым годом! Но главное – ощущение, не знакомое до сих пор только по той причине, что это было петербургское ощущение. Ощущение мгновенного петербургского счастья.

И теперь все остальное, что творилось за кадром, что осталось за кадром, было подчинено только одной мысли: здесь надо, необходимо, жизненно необходимо остаться.

Наверное, если разложить его мысли по отдельности, размотать клубочек, то можно было бы как-то понять его желания: выучиться, жить в большом городе. Но пока он сам не понимал их. Пока еще Глеб только чувствовал.

Вопреки ожиданиям, он лег спать вполне жизнеспособным. Более того – проснулся человеком. Только вот яблока все-таки хотелось...

Он спустился на вахту, где для жильцов стоял единственный на все общежитие телефон. В маленькой записной книжечке нашел телефон Корнеева и набрал номер.

– С Новым годом! – начал Глеб и, пропустив Славу с его поздравлениями, произнес: – Приглашение делать математику вдвоем остается в силе? Я приеду...

Приглашение оставалось в силе. Кажется, Корнеев даже обрадовался.

Пока Глеб все ждал возмездия за несколько прогулянных в первом семестре пар, он сдал зачеты и получил допуски к экзаменам. Он все ждал: вот-вот наступит самое страшное – среди зачетов тоже попадались непростые предметы, – а страшное не наступало. Один зачет он получил просто за посещения без пропусков, на другом преподаватель после раздачи вопросов вдруг удалился в курилку, демонстративно продувая «беломорину». Где-то еще попался удачный вопрос, об ответе на который Глеб имел какие-то представления.

Буря не грянула даже на первом экзамене по геофизике. Билет выпал до того простой, что Глеб пожалел предыдущую ночь, потраченную на зубрежку. Притом зубрежку с сомнительным результатом и головной болью от множества сигарет.

Через полчаса он вышел из аудитории с ощущением нереальности и записью «отлично» в зачетке.

И все равно Глеб резонно настраивал себя на худшее.

По чьей-то прихоти, а скорее случайно, в расписании экзамены расположились от простого к сложному. Такой порядок позволял рассчитывать на удачный исход сессии только после сдачи последнего, самого неприступного предмета – высшей математики. Все, что до нее – физика с химией, – казались только упражнениями. Может быть, поэтому, не заостряя внимания на них, Глеб сдал и то и другое походя – на «три» и «четыре» соответственно.

И только тогда в его сомневающейся душе зарделась вдруг хиленькая надежда. От надежды этой захватывало дух. Тем более что старшие курсы твердили одно и то же: главное – сдать первую сессию.

Гончаренко честно сидел за книгами. С горем пополам, а то и хуже, но научился ориентироваться в им же записанных лекциях, которых за полгода набралась полная тетрадь в сорок восемь листов. Ориентироваться – значило хоть что-то списать. Дальше этого дело не шло.

Корнеев, без затруднений решавший примеры, тоже не мог связать теорию с практикой.

Остальные что-то говорили про темный лес и отмахивались.

Тем временем день приближался, а потом и вовсе – наступил.

Только выйдя из аудитории, Глеб впервые по-настоящему похвалил сам себя. Оказалось, что знал он не меньше, а больше других. И четверка в его зачетке была совершенно законной.

Глеб ликовал. Он дождался Корнеева, который тоже получил «четыре».

– Слава, пойдем пива выпьем, – и добавил: – Я угощаю...

А почти непьющий Корнеев вдруг согласился.

Глеб чувствовал себя так, будто перед ним наконец-то открыли вожделенную дверь. И еще почти полгода можно не думать практически ни о чем.

Они шли по коридору опустевшего к экзаменам института, и в длинные высокие окна било яркое, холодное солнце. Потом спустились в подвал, переделанный под гардероб. Одевшись, вышли на улицу.

Негреющее солнце слепило и до рези в глазах отражалось от снега. Теплолюбивый Глеб натянул перчатки.

Он молчал, боясь признаться даже Корнееву, что он чувствовал. Впервые ему казалось, что впереди его ждало огромное будущее! Пусть даже пока это будущее ограничивалось временем до следующей, уже не казущейся такой смертоносной сессии.

Свобода вдруг проявила себя во всем. В пронзительно-солнечном дне и чистом, холодном воздухе. В еще не вытоптанном, высоком снеге на обочинах. В предстоящих каникулах, наконец...

– Теперь можно и в Эрмитаж, – предположил Глеб.

– Пойдем! – обрадовался Корнеев.

В рюмочной Глеб купил две кружки пива и вяленой рыбы.

– Я остаюсь, – приподнял он кружку, когда приятели уселись в дальнем углу.

– Я тоже, – не понял Корнеев.

– В Питере, – пояснил Глеб и хлебнул из кружки.

4

На дворе стояла середина марта, а зима продолжалась. Даже зная об этом петербургском явлении, Глеб все равно был обескуражен. И вроде бы ему сейчас не было дела до своей родины, но холода заставляли не раз и не два вспоминать тамошний, весенний март. Здесь же март был еще одним зимним месяцем, отличием которого от других были, пожалуй, только необычно длинные, полноценные дни.

После каникул Глеб с энтузиазмом принялся за учебу. Оказалось, что распланированного времени, уходящего на учебу, тратится раза в полтора меньше, чем раньше. Для того же, чтобы не нагонять программу, надо было просто от нее не отставать. Эти простые правила Глеб с удивлением постиг только спустя полгода занятий.

В бытие, как известно, определяющем сознание, появились неожиданные плюсы. И первый плюс нового бытия заключался в том, что Глеб стал с легкостью отказываться от общажных застолий. Сперва только потому, что следующий день вполне мог оказаться потерянным для учебы и кошелька. Потом выпали и субботние посиделки – они вдруг стали отдавать бессмыслицей.

Те же лица. Те же разговоры. Даже та же, что и в первые месяцы, тоска по дому у некоторых из субботних собутыльников. Глеб стал потихоньку ненавидеть и не понимать такую тоску, особенно ту, что приходила к обитателям общежития в периоды затянувшегося плева-ния в собственный потолок. Глебу заниматься этим стало просто некогда. Потом его ненависть перекинулась с абстрактной тоски на ее носителей.

Эти жители могли месяцами не выходить за рамки маршрута «дом – институт». Если маршрут не был востребован, как, например, в воскресенье, вылезали на улицу они разве что в магазин. При этом даже не пили – для пьянства тоже нужна какая-то примитивная активность и, как ни парадоксально, жизнелюбие.

Они лежали на своих постелях, как фараоны в саркофагах, разве что частенько поднимались, чтобы выйти в коридор и покурить.

Даже мечтали вовсе не о великом. Если их спросить, о чем они думают, можно было бы услышать такое:

«Если бы у меня были деньги...»

Деньги почему-то не появлялись.

В марте они с Корнеевым посетили Музей артиллерии. Вернее, хорошо знающий экспозицию Слава провел Глебу целую экскурсию по залам кронверка. Через неделю впечатленный артиллерией Глеб в одиночестве посетил Военно-Морской музей.

В общем, скучать было некогда.

Потерявшаяся из виду на какое-то время, на горизонте вновь возникла та самая октябрьская симпатия.

– Глеба, – произнесла она, – почему ты к нам не заходишь?

– Дела... – заулыбался Глеб, подумав мстительно: «Поглупела...»

Октябрьская симпатия оставалась все такой же красивой, просто раньше Глеб не замечал в ней некоторого провинциального флера обительницы коммуналки.

– А-а, – замычала она без особой интонации.

Мотнула незаметными неопытному взгляду рогами и ушла, позвякивая невидимым бубенчиком.

Оказалось, что октябрьские симпатии – явление именно октябрьское. Они не хранятся до марта. Симпатий, адекватных месяцу марту, к сожалению, не возникало.

Одногруппниц было попросту мало. Пять девушек, две из которых вполне сошли бы за прыщавых молодых людей, у которых просто не прорезалась щетина. Три остальные были

вполне обычными для того, чтобы Глеба не взволновать. Соседки же по общежитию ходили в засаленных халатиках и пахли разнообразными фасолевыми супами. Глеб слишком хорошо знал их с изнанки, чтобы купиться на выходной наряд, раз в полгода надеваемый соседками.

Женский вопрос оставался открытым.

Учеба на недолгое время отвлекала от желания размножаться. И чем дальше, тем успешнее. А потом, следуя каким-то прихотям судьбы, это желание проникло в самую учебу.

В любом вузе всегда есть скудная горстка ненужных предметов. Притом не нужных никому – ни самому вузу, для которого непереносимое знание метеорологом, например, поэзии Серебряного века не является приоритетным в дальнейшем его распределении в Певек или Калининград, ни студентам, которые после математической статистики вряд ли будут внимательно слушать историю древней культуры. Такие нелепые предметы обычно ставят первой парой в субботу. Во втором семестре первого курса у Гончаренко и его товарищей таким предметом стала культурология.

Конечно, в расписании она встала как раз туда, где ей и было место. На первой субботней паре, да еще и культурологии, едва ли набиралась треть группы.

И Глеб, вопреки себе, пропустил аж две культурологические субботы подряд. И если первую после каникул субботу он с удовольствием проспал, то вторую они с Корнеевым решили посвятить культурологии вне стен института. Ходили в Русский музей, где Глеба почему-то впечатлили не «Последний день Помпеи» или «Девятый вал» – самым запомнившимся оказался портрет Тургенева работы Перова: на носу писателя были хорошо видны блики, выполненные художником белыми жирными мазками. При близком рассмотрении мазки явственно и неаккуратно выделялись на фоне самого Тургенева, выглядевшего более опрятно. Но стоило сделать один, даже нет – полшага назад от картины, как мазки превращались в гармоничные, даже безупречные солнечные пятна...

Глеб поймал себя на том, что топчется перед портретом взад и вперед.

В общем, культурология как предмет началась для Глеба в марте.

Преподаватель пространной дисциплины была молода. Более того – хороша собой. Плюс ко всему привлекательна в каком-то греховном смысле. Серое шерстяное платье выше колен, мешковатостью напоминавшее ночнушку, безответственно открывало миру в лице десятка молодых людей миниатюрные и чудесно сложенные ножки. Проводи она уроки в другое время, вышестоящие преподаватели сделали бы ей замечание.

Ее невозможно было представить на кухне в прошлогоднем халате, мешающей шумовкой фасоловое варево. Или cedящей бычок в общажном коридоре. Или в компании девок, болтающих о ценах на трусы и лифчики. Нет, все это было не для нее, казалось Глебу.

Она рассказывала про то, как, будучи студенткой, принимала участие в раскопках в Великом Новгороде. А Глеб тут же вспомнил свои тоже вроде как раскопки и горстку трофеев, которые он даже привез в Петербург. И, к своему стыду, даже не распаковывал.

Это были настоящие раскопки и настоящие трофеи. В лесах вокруг Туапсе до сих пор сохранились дольмены – каменные гробницы древних культур. Если проявить интерес к дольменам и их истории, то результат не заставит себя ждать. Дольмены готовы поделиться своим содержимым. В случае Глеба, который в одиночку облазил несколько таких гробниц, находками были ржавые наконечники стрел, дротики и какие-то превратившиеся в прах не то щитки, не то украшения. Несколько наконечников Глеб взял с собой в Питер, даже не зная зачем.

Рассказывала она долго и увлекательно. При этом проходя то и дело мимо сидевшего за первым столом Глеба, который ловил носом каждый оттенок ее чистого запаха, совсем не содержащего в себе кухонных оттенков.

Она была свежая и настоящая, как крупная дождевая капля. Звали ее Елена Борисовна. Глеб внутри себя уже называл ее Леной. Он с места переспрашивал ее, пытался возражать непонятно чему. Потом и вовсе вступил с ней в проникновенный диалог.

Так, как вела себя Елена Борисовна, ведет себя не вульгарность, а молодость. Ей, молодости, едва ли исполнилось двадцать пять. Лена трогала верхнюю губу языком, немного стесняясь, смеялась на замечания Глеба, перебирала пальцами подол платья. Показывая вместе с ножками безупречную осанку, боком садилась на стул.

Иногда Глебу казалось, что Елена Борисовна не носила бюстгальтер, и тогда ему трудно было дышать и он старался не покраснеть.

После пары он подошел к ней. Что-то спросил, немного замешкавшись. Начал с фразы:

– Скажите, а...

– Скажу, Глеб.

Глеб долго кивал. Потом загадочно произнес:

– Да. Я понял, спасибо. Обязательно, – и, переходя на что-то, очень напоминающее интимный шепот, произнес: – До следующей субботы...

– До следующей субботы, Глеб...

Когда он вышел в коридор, перед глазами даже поплыло. Как она была хороша, но главное – близка и горяча. Стоит только протянуть руку. Или не стоит и пытаться? Или это стоит столько, что...

До следующей субботы.

Глеб умел ждать. И откладывать на потом то, что не надо делать сейчас. И он не бросился приглашать Елену Борисовну в ресторан на несуществующие деньги, которые можно занять, а потом застрелиться от невозможности отдать этот долг. Не позвал ее бродить под плохо видными в городе, слякотными мартовскими звездами. Он дал ей остыть. Чтобы потом подогреть снова, с большей вероятностью закипания.

Неделю спустя она... заболела. Глеб разочарованно просидел всю первую пару в аудитории, играя с Корнеевым в крестики-нолики. И в каждом поставленном нолике Глеб видел себя, с отчаянием проклиная свои глупые и смешные, как ему казалось, надежды.

Вечером они с Корнеевым выпили две бутылки портвейна, к которому Слава как-то резко и с удовольствием приистрастился.

– Вот такая вот история, – закончил Глеб исповедоваться и допил вторую бутылку. В окрестностях вуза, наверное, не осталось ни одной скамейки, на которой бы не занимались легким пьянством напополам с рефлексией приятели.

– Ну и что тут плохого? – с нескрываемым удивлением спросил Корнеев.

– Да я уже такого нафантазировал про нас с Еленой Борисовной...

– И чего ты такого нафантазировал? – опять не понял Корнеев. – И вообще, мало ли что ты нафантазировал! Смешно стыдиться своих фантазий, а невысказанных – вдвойне...

Он хлопнул руками по коленкам:

– Пошли. У меня еще на пиво деньги остались.

В следующую пятницу непрогнозируемо выдали стипендию, на которую никто не рассчитывал.

Кухарский предложил пойти в кафе. Мирнов – выпить пива на скамейках. Корнеев настаивал на портвейне, и только Глеб, думая о чем-то своем, произнес:

– Нет, сегодня не могу. Давайте завтра.

Приятели, все как один, согласились. Завтра так завтра.

Глеб хмурился и молчал. Даже на вопросы Корнеева отвечал так, будто отряхивался.

– Молодые люди! – Елена Борисовна вошла со звонком, хотя Глеб уже разуверился ее увидеть. – Я хочу вам сказать вот что...

Одета она была по-праздничному. Вместо расширяющего грани сознания шерстяного платья на ней была юбка сомнительной строгости и воздушная белая блузка, сквозь которую был виден бюстгальтер. Хотя отдельно от нее эти вещи были вполне обычными выходными

вещами, ее молодость делала их таинственными и легкими. Она поправила залитую лаком стрижку и начала:

– Мы только начали сотрудничество, и, дорогие мои, мне придется вас покинуть.

Глеб вздрогнул. Потом, рисуясь, протянул:

– Очень жаль...

– Мне тоже жаль, Глеб, – отреагировала она.

– Это дело надо отметить, – даже не обращая внимания на ее реакцию, задумчиво произнес Гончаренко.

Она смутилась. Потом произнесла, покраснев:

– Так предлагайте...

Все уставились на Глеба.

– Ну а что я могу предложить? – замечательно сыграл растерянность Глеб. – Давайте договоримся...

Они договорились встретиться после большого перерыва внизу, возле расписания. Одногруппники реагировали на этот шаг по-разному, кто-то даже высказался с сальной ухмылочкой. Большинство же просто сказали, что не пойдут. Тем более что кафе, куда пригласил Елену Борисовну Глеб, было не из дешевых.

К обеду у расписания внизу их собралось четверо: невысокий полный Мирнов, слюнявящий во рту бесконечную «беломорину», Многодеев – высокий человек с равнодушным лицом, Глеб и примостившийся на подоконнике с книжкой стихов Корнеев.

Она, не опоздав ни на минуту, двигалась им навстречу из конца коридора, на ходу застегивая струившуюся до пола шубу.

– Ну идем! – позвала она так, будто делала вызов им всем.

– Конечно! – бодро ответил Глеб. Корнеев громко захлопнул книжку и слез с подоконника.

До кафе от ворот института было метров пятьсот. Они прошли это расстояние гуськом. Позади всех шел Глеб, придерживая под локоть Елену Борисовну.

В кафе Глеб тоже расположился рядом с Леной. Корнеев попросил меню. Интерьер кафе был выполнен в ярко-красном, и губы Елены Борисовны гармонично вписывались в интерьер.

Принесли меню в пяти экземплярах. Они были похожи на огромные игральные карты.

Глеб боялся, что она закажет вина. Это дорого, и это мало. Если он на что-то мог рассчитывать, казалось ему, так это в первую очередь через алкоголь. Притом на что конкретно он мог рассчитывать, Глеб даже не думал.

– А чего тут смотреть, – выручил вдруг Корнеев, – пива всем, а есть, я надеюсь, никто не хочет?

Глеб не смог определить, чего было больше в словах Корнеева, расчета или простодушия, но определенную благодарность испытал, оценив при этом и степень изыщества, с которой Слава уравнил всех – студентов и преподавателей, не допуская даже мыслей о каком-то вине.

– Елена... – Глеб сделал паузу, – Борисовна. А вы что будете?

– Я – как все, – расположилась она поудобнее за столом и скинула шубу. Шуба за ее спиной бесшумно стекла на кресло.

Когда Елене Борисовне подали пива, она стала совсем девчонкой. Вернее, она просто перестала быть преподавателем. А они – студентами. Хотя все было не так просто – Глеб из студента сделался мужчиной, а остальные – мальчишками.

Если, чувствуя себя несколько скованно, Мирнов и Многодеев молчали, то Корнеев говорил без умолку.

Выяснилось, что Елена Борисовна, после первых кружек закономерно ставшая Леной, родилась и выросла в Сибири, слушает таежный сибирский рок и любит – или говорит, что

любит, – стихи Цветаевой и Мандельштама. На просьбу процитировать что-нибудь, вспомнила «Я вернулся в мой город, знакомый до слез...». Возможно, что в исполнении Пугачевой.

Глеб, пьянея в разы медленнее, чем она, после второго бокала сломал наконец стеснение, делавшее его жесты деревянными, и тоже включился в затеянный Корнеевым разговор.

Еще недавно некурящий Корнеев высаживал одну за одной сигареты Глеба. Лена, достав из сумочки женский Dunhill, положила его в середину стола. Неумело прикурила сама и выдыхала дым, сложив губы трубочкой.

Когда Лена отлучилась в уборную, Глеб заказал еще пива, а за столом повисло молчание. Отсутствие главного действующего лица разлагало коллектив.

Глеб видел, что только Корнеев понимает его, Глеба, намерения. Слава был наименее мальчиком среди его нынешних друзей. Двое остальных, выпадающих из беседы товарищей разве что не клевали носом и с увлечением рассматривали дно своих опустевших кружек до тех пор, пока им не приносили следующие. Думать, что и Корнеев что-то хочет от Елены Борисовны, было глупо. У Корнеева – своя любовь, о которой пока он не особо распространялся. Ну а то, что Корнееву тоже интересно с бывшей учительницей, – это естественно. Корнеев любит разных людей так же, как Глеб – новые и незнакомые места, в которых ему еще предстоит побывать.

Она вернулась. Села, улыбаясь и оправляя юбку. Объединяя вокруг себя мальчиков и мужчин.

Они вышли из кафе, пошатываясь, когда уже стемнело. Снег вокруг был сумеречно-фиолетовый. Проезжающий мимо троллейбус светился, как аквариум на колесах.

Их осталось трое. Мирнов и Многодеев покинули компанию раньше.

Все трое были очень веселыми и пьяными. Глеб еще ощущал в ладони яблочную полноту Лениного колена, которое он то сжимал, то поглаживал под столом последние полчаса.

– Ну ладно, – заключил Корнеев и поцеловал Лену в щеку. Протянул руку Глебу. Повернулся и пошел к остановке трамвая.

– Нам в другую сторону, Глеб, – сказала Лена и захихикала.

Он вызвался ее провожать еще в кафе. От ее ответа зависело все дальнейшее, тем более что Глеб выяснил – живет она одна. В коммунальной, правда, квартире. Она с удовольствием согласилась.

Глеб боялся, что на морозе она быстро отрезвеет. Он же хотел еще долгое время быть с ней, пьяненькой и смешливой. Поэтому, проходя мимо магазина, предложил купить выпить еще.

Они пили вишневую настойку прямо из горлышка на остановке. Потом ехали в трамвае в обнимку и стали целоваться уже в подъезде...

5

На лестничной площадке прогромыхал лифт. Два раза шумно, словно совсем рядом, вздохнул в уборной сливной бачок. Послышались невнятные детские голоса. Глеб открыл глаза.

С низкой двуспальной тахты в окно ему было видно только серое небо оттепели.

Лена еще спала, лежа на боку к нему лицом и чуть-чуть приоткрыв рот, где на губах оставались вчерашние следы алой помады, со вкусом которой Глеб теперь познакомился. Сбившейся пшеничной копной ошетинилась вчерашняя стрижка.

Он повернулся к ней, чтобы лучше ее рассмотреть.

Комочки туши на ресницах. Розовая шея и мягкое полноватое плечо, наполовину прикрытое простыней.

Он погладил Лену по плечу, потом нашел под простыней груди, прижатые одна к другой.

– Ну, Глеб... – запротестовала она, не открывая глаз. – Ну подожди...

Он переместил руку ей на спину, придвинулся поближе...

– Я еще сплю, – по-детски опротестовывала она его движения и, повернувшись к нему спиной, за все время, что он пытался, не издала ни звука и, показалось Глебу, даже не открыла глаз.

Потом в душе Глеба наступила слякоть. Она, уже неинтересная ему, досыпала, комментируя сонным голосом: «Еще десять минут... Еще пять...»

Он кивал. Потом встал, надел брюки и долго смотрел в окно, где за ночь с природой произошли перемены. Природа осунулась и была похожа на старуху, под носом которой висит слякотная капля. Хотя понятно, что весна, конечно...

– Глеб, – позвала она его. Глеб обернулся.

Лена повернулась на спину, натянув до подбородка простыню.

– Ты хочешь завтракать? У меня есть бутылка вина.

– А яблок нету? – хмуро осведомился Глеб, почесывая грудь.

Тахта в Лениной комнате занимала половину пространства, и Глеб, чтобы куда-то приютиться, был вынужден сесть на ее краешек.

– Яблок? – переспросила она. – Нет. Есть оливки, – ответила и вдруг засмеялась.

– Ты чего? – не понял Глеб.

Она села на постели, прикрывая простыней обнажившуюся было грудь.

– Ты нахохленный! Голова не болит? – она взяла с прикроватной тумбочки свои тонкие сигареты, прикурила одну. Предложила Глебу.

– Нет, – с отвращением отвернулся он. Она сглотнула дым, подержав, с шумом выпустила длинную струйку.

Потом сделала еще несколько затяжек, затушила длинный окурок в пепельнице.

– Отвернись, я одеваюсь...

Глеб, не ответив, продолжал наблюдать тоскливый заоконный пейзаж. Скользкую тропинку через двор. Блестящие лужи вокруг детской горки.

– Помоги мне прибрать постель, и будем завтракать.

От вина Глеб повеселел. Утро уже не казалось таким ужасным. Лена наделала бутербродов с ветчиной, открыла оливки.

– Ешь, – приговаривала при этом и добавляла: – Если надо – я еще банку оливок открою.

– Надо, – кивал Глеб, жуя.

– Глеб, – вдруг тихо пробормотала она, когда он доел последний бутерброд и отставил бокал, – тебе надо уходить...

– Конечно, – Глеб был к этому готов. С некоторых пор он всегда был готов к худшему.

– Нет, ты не понял. То, что случилось, – это не случайность. Просто я к этому не совсем готова, чтобы вот так...

– Оставить меня у себя? – пошутил Глеб.

– Ну да... Ну давай хоть для начала куда-нибудь сходим, а?

– Ну конечно, – вдруг смиростивился Глеб. Действительно странно, когда люди начинают вести совместную жизнь с первого свидания.

От выпитого вина и вожделенной близости одиночества, которое было просто необходимо ему после подобных утр, Глеб ощутил тепло и даже приятную лень.

Он не торопясь оделся. Выкурил в форточку сигарету. Поцеловав Лену на прощанье, вышел на скользкий двор. Подняв голову, увидел, как она машет ему рукой из окна.

А к вечеру он начал по ней скучать.

На фоне убогого общажного пейзажа – койка, стол, полка с книгами и электроплитка – скучать было естественно. Потом к пейзажу добавился вернувшийся сосед, и от него в комнату добавилась еще и теснота. К грусти по Лене и ее коммунальному уюту добавилось раздражение. К тому же сосед, не будучи болтлив, все время задавал вопросы. Хотя и не ждал ответов на них. Например:

– Ты уже пришел? – спрашивал он сидящего на койке Глеба. Тот не отвечал, вынуждая соседа видеть ответ своими глазами.

– Ну ты сегодня рано, – комментировал сосед и успокаивался.

Или:

– Ты ел? – и не получив ответа: – Ну тогда и я поем.

Все, что Лена знала о Глебе, – имя и фамилия. Он знал ее адрес и телефон. Действительно, это еще не повод для совместного проживания, думал он. И тут же, заметив на противоположной стене насекомое, издаലെка похожее на подсолнечное семечко, думал, что иногда и сомнительного повода бывает достаточно.

Лена предлагала куда-нибудь сходить. Почему бы и нет? Но куда? Почему-то на родине он не задавал себе таких вопросов. Там, кроме моря, не было ничего. Море было театром и кино, кафе-баром и даже комнатой встреч, если очень хотелось. Здесь же при наличии всего, кроме как раз моря, приходилось внимательно обдумывать любой вариант, и в первую очередь с точки зрения финансовых возможностей. Или, точнее сказать, финансовых невозможностей.

Повести Лену в театр? Не будет ли этот жест выглядеть фальшивым? Словно отработка ее просьбы. Кино – туда же. Пришедший на ум планетарий – тоже...

Снова пойти в кабак? Благосостояние не вынесет такого удара. А главное, не очень понятно зачем!

Сгодился бы любой шаг, но только в том случае, если бы это был шаг вперед!

Постель, как обычно, случилась раньше, чем надо. В стратегическом, конечно, смысле. Потому что спать вдвоем – прекрасно, но неплохо бы попробовать жить в вертикальном положении.

Шагом вперед могла бы стать совместная поездка, на которую не было денег. Рыбалка, которую Глеб не любил. В общем, какое-то общее хозяйство, пусть даже только на пару дней. Тогда им обоим будет что-то понятно...

Будь Глеб немного старше... или лучше – опытнее, он бы сразу отказался от Лены, переводя приключение с ней в ранг милых мимолетных романов.

Он повожился на койке и отвернулся к стенке, чтобы не видеть соседа, лакомящегося все той же жареной гречкой.

– Не хочешь? – осведомился тот и, не услышав ответа, отреагировал: – Дело твое.

Он не позвонил Лене ни в понедельник, ни во вторник. Он не знал причины, по которой он должен был набрать ее номер. Им овладело то чувство, какое испытывает рыболов на зимней рыбалке, поймав не пролезающую в лунку, слишком крупную рыбу. С одной стороны

он счастлив: исполинские размеры и блестящая чешуя – предмет гордости среди коллег. Но с другой – эта рыба еще не его рыба, и он не знает, как быть, чтобы заполучить ее сполна. Оттого боится любого неверного шага, бесполезно сидя у лунки и наблюдая рыбу сквозь дырку во льду.

Проще говоря, просто так звонить было незачем, а приглашение он не выдумал. В будущем Глеб узнает, что если мысли движутся в таком направлении – прекращать отношения надо, не задумываясь. Неестественность в отношениях заметна, как нагота. И выглядит она глупо.

Он набрал ее номер вечером в среду. Спустился на вахту, заплатил дежурной. Втайне он надеялся, что Лены не будет дома.

– Алло, – откликнулась на звонок коммунальная соседка. – Лену? Сейчас посмотрю...

Он хотел, чтобы она сказала ему: «Приезжай! Сейчас! Бросай все и приезжай, Глеб!»

– Да, – в трубке послышался ее, как показалось Глебу, взволнованный голос.

– Можешь говорить?

– Да-а! – Лена была чем-то довольна.

– Ну привет, – с облегчением произнес Глеб.

– Ну здравствуй!

– Ты была занята? – поинтересовался Глеб.

– Да так... – она перевела разговор: – Как ты?

– Без тебя? – шутливо продолжил Глеб, косясь на забравшуюся с головой в книгу дежурную. Глядел, не выставлено ли где ухо. – А если скажу, что скучаю?

– А хочешь? – она держала легкий, игривый тон. У нее не было под боком дежурного уха.

– Да, – ухмыльнулся Глеб.

– Что – «да»? Так и скажи: «Я тебя хочу»!

– Да тут... слушатели... – оправдался Глеб.

– А-а... Ну ты подумал над моим предложением?

– Подумал, – подтвердил он, – ты должна выбрать сама.

– Так я и знала. Я подготовилась! Ты хочешь в клуб?

«Только не это», – подумал Глеб, а вслух произнес нейтральное:

– Ну что ж?

– У меня есть два билета на субботу! Ты свободен в субботу? – и игриво понижая голос: – И в воскресенье...

В памяти Глеба всплыли подробности предыдущего пребывания у Лены. Он даже сладко потянулся.

Глеб смял конец разговора, как ненужный трамвайный билетик. Под чужим взглядом отвратительно нежничать.

Они договорились, что он позвонит ей в пятницу, хотя Глеб до самого конца грел мысль о завтрашнем приезде к ней.

Не случилось! Причин могла быть уйма – он не стал перебирать возможные.

В его планах места клубу не находилось. Даже не столько по денежным соображениям. Идти в клуб с девушкой – это примерно так же, как в Тулу со своим... ну понятно. Даже хуже. Попавший в Тулу свой самовар не просит, чтобы его развлекали под невообразимый грохот музыки, и не смотрит на тебя ревниво тогда, когда на сцене подают стриптиз. Еще самовар не пьет очень слабоалкогольные и очень дорогие коктейли за твой счет.

Глеб даже не мог ни с кем поделиться своими опасениями. Он так ничего и не стал рассказывать даже Корнееву. На его вопросы только слишком недоуменно пожимал плечами.

Услышав предложение Корнеева насчет субботы – Музей истории религии, – Глеб, собрав на лбу задумчивую складку, ответил:

– Я не могу, – и, как будто подумав: – Дела!

Слава отошел в сторону. Раньше у Глеба не было тайн.

В пятницу Глеб договорился с Леной о субботе.

Они условились встретиться у входа в клуб, и Глеб, естественно, пришел раньше. С приездом в Петербург он ни разу не посещал местных дискотек – так это называлось на родине.

Там на дискотеку шли пьяные. Чтобы сэкономить на выпивке в баре, выпивали перед тем, как войти, водки в ближайших кустах. Проходили фейс-контроль, дыша перегаром на пружинистых молодых охранников, готовых взорваться ежесекундно. Потом кучками толпились в зале и обжимались с девками в конвульсиях светомузыки. Кто-то из компании непременно блевал в туалете. Кто-то засыпал за стоящими по периметру столами. Нередко дрались. Наутро было плохо. Это так, примерная картина. В следующие выходные все повторялось.

Потом Глеб дискотеки посещать перестал. Слишком они были одинаковые и бесперспективные. Девки, которых там можно было подцепить, были страшные с почти стопроцентной вероятностью. Встречались и другие – блестящие, как конфетные обертки, но их склеить было нельзя. Такие девушки уже были склеены, по большей части богатыми армянами.

За попытки знакомства с подобными красотками Глеб два раза получал по лицу. Причем один раз все могло кончиться хуже, если бы его случайно не узнали приятели воинственных горцев.

В общем, дома это было вот так.

Что могло быть здесь, Глеб даже не представлял. Судя по вывеске и размерам – масштабы дискотеки здесь все же другие. Клуб располагался на берегу Невы. Потом уже Глеб узнал – на берегу Большой Невки. В любом случае – это было дорого!

Он удивился обилию машин перед клубом. Судя по ним, внутри должна быть масса безалкогольных посетителей. Он вспомнил туапсинские дискотеки.

Он уже жалел, что не купил пива возле метро. С его помощью можно было хоть как-то побороться с робостью. И с гадким ощущением, которому он еще не дал имени.

Это было ощущение... неуместности, что ли. Глеб понял, что стесняется даже своей обуви, хотя кто будет смотреть на его ноги в сырых сумерках марта. Ему казалось, что идущие мимо него люди знают, что он дешево одет и у него неважно с деньгами. И смотрят соответственно. Как на голого.

Переминаясь с пятки на носок, он высматривал Лену.

– Глеб! – голос Лены доносился почему-то с автостоянки, находящейся перед клубом. Он обернулся в ту сторону и увидел ее – одна ее нога еще была в автомобиле. Рукой, держащей перчатки, она махала ему. Захлопнула дверцу. Двинулась к нему навстречу. Распахнутые полы шубы демонстрировали несколько интимное для улицы великолепие форм.

Глеб с тоской подумал о своей выходной одежде.

Она подошла к нему, и Глеб неловко наклонился для поцелуя. Позади нее, в нескольких шагах, Глеб увидел владельца доставившего Лену автомобиля.

– Это Глеб, – представила она Глеба водителю. – Это Стасик...

Стасик сделал пару шагов вперед и оказался худощавым чернявым мужиком за тридцать. Трехдневная его щетина отдавала синевой.

Глеб с неохотой потрогал сухую руку.

– Стасик, иди, мы сейчас, – скомандовала Лена. Чернявый повиновался и уверенно пошел ко входу.

– Это кто? – не понял Глеб. Непонимания пока было больше, чем злости.

– Ты меня ревнуешь? Это друзья. То есть друг, но он там будет не один. Это они нас пригласили.

– Нас? – уточнил Глеб.

– Ну я же сказала, что буду с тобой.

– Ладно, – согласился Глеб. – Пойдем?

– Постой! Смотри, что у меня есть! – Лена открыла сумочку, которую держала одной рукой.

Глеб даже не сразу понял, на что надо смотреть. Потом среди Лениной косметики, упаковки влажных салфеток, между кошельком и паспортом он заметил крохотную пятидесяти-миллилитровую бутылочку. Потом еще одну. И еще.

– У нас там мини-бар? – удивился Глеб.

– Что-то вроде, – согласилась она.

Оказывается, в Петербурге тоже принято выпивать перед входом. Только из других, более элегантных емкостей.

Разгоряченные содержимым Лениной сумки, они разделись в гардеробе. Под действием бутылочек – а ему досталось три – Глеб уже не чувствовал себя лишним. Когда они прошли в зал, Глеб обомлел. Подобное он, конечно, видел в кино, но экран не передавал всей масштабности события.

Пространство внутри было огромным. Под потолком, теряющимся в темноте, на каких-то сложных конструкциях гроздьями висели световые эффекты, то и дело вспыхивая. В сверкающей полутьме люди угадывались по фрагментам.

– Нам, кажется, туда, – прокричала ему в ухо Лена, протягивая руку в пульсирующую темноту, через долю секунду озаряющуюся холодным зеленым.

Глеб кивнул. По сути, местная дискотека очень напомнила Глебу свою, «деревенскую». Только эта была, конечно, технологически выше на несколько порядков. То есть здесь процесс оглушения и ослепления человеческих существ велся немногим более изощренно и качественно.

Протискиваясь сквозь толпу, они вынырнули у прижавшихся к стене столиков. Лена, придерживая Глеба за край свитера, огляделась. Ее уже окликали, но это можно было понять только по жестам. Звавшие Лену люди открывали рты и были похожи на людей с телеэкрана, у которого выключили назойливый звук.

Улыбчивая, она подставляла щеку под поцелуи и мужчин, и женщин одинаково охотно и при этом убирала свои намаженные алым губы в сторону. В перерывах между поцелуями представляла своим друзьям Глеба, крича им в ухо. Глеб без разбору пожимал руки.

Все они выглядели одинаково удачливыми, что несколько обескураживало Гончаренко.

Три безупречные пары, пусть и разной степени красоты, излучали духовную сытость и материальный достаток. Причем если второе Глеб понял только по мере знакомства с этими людьми, то первое как-то сразу бросалось в глаза. Читалось в одежде... Как известно, самая дорогая одежда отличается внешней скромностью. При этом сидит как влитая...

Водитель, который привез Лену, был один. Плюс ко всему как-то нехорошо посматривал на Лену. Глеб давно усвоил эти взгляды еще на родине. Такие взгляды кидают либо брошенные любовники, либо несостоявшиеся ухажеры. А ведь и те и другие – существа опасные.

Он хотел получить Ленины комментарии к компании, но разговаривать в зале было определено невозможно.

– ...танцевать... – долетело до него, когда Лена, обдав Глеба яркой волной духов и ментоловой резинки, приблизила губы к его уху.

«...Танцевать...» он был еще не готов. Потому что дрыгаться под выветривающиеся сто пятьдесят было не в его правилах. Угощений и напитков на столе пока что не было. Безупречные пары без аппетита теребили меню.

Он тоже схватился за брошюрованные листы и сразу оказался в категории «Напитки».

Если быть совсем честным, то именно это Глеб и предполагал. Вернее, как всегда, надеялся на худшее, и в этом случае его надежды оправдались.

На свои деньги Глеб, за неимением примитивной водки, мог позволить себе и Лене угоститься бокалом шампанского либо треснуть «Кровавой Мери», где этой водки будет в лучшем случае граммов пятьдесят. Если месяц питаться перловкой – можно еще и повторить.

И как после этого «...танцевать...»?

Лена деликатно взяла меню из его рук и положила на стол. Поманила его рукой и прокричала на ухо:

– Ты с ума сошел? У Стасика день рождения.

Глеб покивал. Это в корне меняло все его планы. Особенно если неторопливый Стасик закажет минеральной воды. Да еще, судя по его вялым движениям, часа через два.

Мини-бар тем временем выветривался. И Глеб подумал о том, как хорошо было бы взять Лену на одну из их с Корнеевым прогулок вместо Корнеева. Пройти с ней, к примеру, по заснеженной набережной черно-белой Мойки, сбивая влажный снег с холодных перил. Свернуть на Пряжку... Выйти на канал Грибоедова в том месте, где он впадает в Фонтанку. На протяжении прогулки пить теплый портвейн из-за пазухи и закусывать его бубликом.

Глеб взглянул на Лениных друзей, подумав о том, что будет, если объяснить им такую романтику.

И вдруг музыка стихла. Плавно сошла на нет. Как будто из зала вынули пробку, державшую давление. Все заговорили. Ведущий провозгласил паузу. Динамики зазвучали тихой романтикой...

А стол вдруг стал покрываться закусками. Вдогонку к закуске в двух больших кувшинах прибыло вино.

Притом что Глеб рассчитывал на водку.

Поняв, что можно наливать и пить без тостов, Глеб зачастил, пару раз чуть не поперхнувшись под взглядами Стасика. Ему хотелось, чтобы пила и Лена. Он не мог отделаться от ощущения, что трезвой Лене он будет неинтересен.

Неторопливые друзья вели неторопливую беседу. Казалось, что музыка им только мешала.

Глеба озадачила фраза:

– А что по вечерам делать? Не только же читать! – можно было подумать, что Ленина подруга только и делает вечерами, что читает.

Стасик в ответ неестественно расхохотался.

«Они тоже не знают, что делать», – понял Глеб, допивая третий стакан.

Теперь можно было танцевать.

Прогнувшись и спружинив несколько раз, Глеб понял, что танцевать он совершенно не умеет.

6

Не отрывая голову от подушки, Глеб нащупал на полу бутылку минералки, которую он предусмотрительно купил накануне. Сделал глоток. Посмотрел в окно, демонстрирующее для лежащего Глеба кусочек неба.

Он резко сел на кровати, спустив на пол босые ноги. На плечи, словно чьи-то тяжелые руки, навалились воспоминания.

Все пошло совсем не так, когда ушел Стасик. Расплатился и исчез, пока Глеб с Леной неумело отплясывали в толпе. Глеб вообще не мог понять побудительных мотивов танца. Даже петухи красуются перед безмозглыми курицами только для того, чтобы этих куриц завоевать. А тут... Курица вроде завоевана. Топчи – не хочу! Однако все как-то запутанней и глупей одновременно. Приехал в Тулу...

Лена же, не смущенная подобными умозаключениями, исполняла одну за другой хореографические фигуры. И надо признать, хорошо справлялась с ролью лучшей куриной самки в курятнике, делая все, чтобы раззадорить своего петуха.

Она же не знала, что ее петух склонен к рефлексии.

Глеб чувствовал себя не на месте, как не на месте ощущали бы себя Ленины друзья, с пренебрежением говорившие о книгах, слушая, например, читающего стихи Корнеева. При том что Глеб, пока еще не будучи книголюбом и не зная разницы между хорошими и плохими стихами, определенно знал, что книги и стихи – это хорошо и правильно!

И если он, Глеб, не понимает каких-то умных книг, то это его, а не книг проблема.

Они подходили к столу два раза, утоляли жажду и опять возвращались в колышущуюся толчею и тесноту.

Вернувшись в третий раз, в тот момент, когда опять стихла музыка, Стасика они не застали.

Негритят оставалось шесть. Сидели они по парам, словно бы в гнездах. Музыка стихла, и гнезда оживились.

– А где Стас? – запыхавшаяся, спросила Лена так, будто знала ответ.

– Уехал... – с едва заметным сарказмом произнес один из гостей, ковыряя во рту зубочисткой.

Глеб присел на край стула подальше от Лениной своры. Хотел плеснуть себе вина из кувшина, но, заметив такое же движение Лены, осмотрительно не поднял руку. В следующий момент похвалил себя за это. Кувшин был пуст. Лена со смехом потрясла пустой тарой в воздухе.

Потом ушли негритята. Перед этим, правда, заказали себе по коктейлю и дули терпкие алкоголи через соломинки.

Глеб повлек Лену к барной стойке. Отчаянно, пока голос разума не поспел за убежавшими далеко вперед чувствами, заказал что-то из доступного. Вмещающегося в размеры содержимого кошелька. Это что-то было крепкое, и они, удачно перекрикивая музыку, довольно долго и непродуктивно беседовали. Потом Глеб вдруг понял, что можно выйти на улицу. Ему наконец стало весело. Главное было не думать про завтра.

На улице Глебу показалось так комфортно, что он как-то сразу отменил мысли о возвращении. Веселиться можно и вдвоем – для этого не надо привлекать персонал и сотни три посетителей клуба. Но вот только сначала хотелось бы кое-что выяснить.

– И что это было? – как можно небрежнее спросил Глеб, закуривая. Он хотел получить комментарии. Тем более что своим уходом Стасик подтвердил невысокое мнение о себе.

– А... – беспечно махнула рукой Лена. Ее прическа растопырилась в колючий ежик. Щеки покраснелись. Она безуспешно прикуривала на ветру, длинно чиркая зажигалкой.

Облегающее платье ее выше коленок собралось в гармошку, и, одетая, она тем не менее выглядела слишком обнаженной.

– Он в меня влюблен, – слова она выдохнула вместе с дымом.

– Ну это понятно. А я-то здесь при чем? – беззлобно спросил Глеб, ощущая, однако, как непроизвольно натягивается на скулах кожа.

– Глеб... – позвала она его и потянулась к нему губами.

На миг ему показалось, что он ответит. Но тут же вежливо и холодно произнес:

– Эй, я слушаю...

– Глеб... – она нагло обняла его и облизала ему ухо. – Ты ничего не понимаешь...

Скажи она что-нибудь другое – и тема была бы скомкана, как вчерашняя афишка. Невольно напустив тайны, Лена превратила Глеба пусть и в козырного, но валета, которого можно было разыграть при удобном случае.

– Ты весь этот цирк для него устроила? – догадался вдруг Глеб.

Она в замешательстве опустила глаза на кончик сигареты.

– И ты ведь с ним спала? – спросил он, чувствуя, как ему становится легко и пусто. Ему вдруг сделалось стыдно за нее, за стандартное «ты ничего не понимаешь», когда он все понимал теперь. И вдруг стало ясно, что завтра все закончится. И опять стыдно за нее. За то, что с его помощью она решает свои проблемы.

– Ну вот еще, – подтвердила она. В подобной ситуации женщинам можно верить только в том случае, если они говорят «нет».

А Глебом овладела отчаянная смелость. Больше не надо было подбирать слов и действий, не надо бояться и просчитывать каждый шаг. Он без сожаления уйдет от нее после того, как завтра с утра она станет ему неинтересна...

Расставание произошло еще до того, как случилось долгожданное...

Он сидел на постели, понимая, что пока похмельная похоть не будет удовлетворена, до полной тоски еще далековато.

Он не винил ее. В конце концов, она не сделала ему ничего дурного. Кормила его завтраком и предоставляла свое тело. Еще – ничего не обещала. И не видела себя рядом с ним, так же как он не видел рядом с собой ее – Елену Борисовну.

Ни в чем конкретном она ему не призналась.

Глеб пытался выдавить из нее хоть что-нибудь, когда они ехали в такси. Затем – когда пили ненужное уже пиво в квартире и курили в окно. Она говорила: «Я не знаю», когда Глеб спрашивал: «Зачем я тебе?»

Отвечала: «Мне с тобой хорошо» на вопрос: «Зачем я здесь?»

Глеб всячески обходил слово «любовь». А то задал бы вопрос: «Зачем это все?»

Потом на слова уже не хватало губ и языка – губы и язык были заняты делами.

Он еще глотнул воды, повернул голову в ее сторону.

Даже после полубессонной ночи, алкоголя и много еще чего ее лицо во сне выглядело розовым. Молодой организм перегонял и выводил отраву, не оставляя следов. Пока, по крайней мере. Может быть, только чуть запекшиеся губы выдавали, что она провела нездоровую ночь.

Еще вчера выяснилось, что Лена носит контактные линзы. В первую ночь он был так поглощен новизной, что этого не заметил. Вчера же она, отправив линзы плавать в физрастворе, еще долго отбивалась от его вопросов, глядя на него выразительными глазами, беззащитными, как глаза собаки породы хаски.

Вчера ему посчастливилось разделить выяснение отношений и отношения полов. Голодные до постели, они, не сговариваясь, не пустили в постель ссоры и склоки, наслаждались друг другом по-звериному безответственно, в чем обнаружили какую-то необычную пикантность. Позволяли себе даже немного боли...

После, к счастью, сразу уснули. Продолжение ссоры могло быть совсем некрасивым. Сейчас Глеб не понимал, в каком статусе проснулся.

Существовала вероятность, что ему будет предложено немедленно уйти. Или Лена все же накормит его завтраком? А может быть, бросится на шею, заплачет и попросит остаться. Такие чудеса творит только хороший, очень хороший секс. И чтобы рассуждать холодно и трезво, сейчас Глебу был нужен именно секс.

– Ой! Ой-ой!.. – смеялась она, ловя ладошкой сбегающую с живота на простыню мутную белесую струйку. Смеялась, отчего Глебу стало не по себе.

Она вела себя так, будто вчера ничего и не было. Как будто в его обязанности входило сделать ей хорошо и уйти, позавтракав и забрав с тумбочки причитающиеся ему деньги.

И если утренняя разминка и подняла настроение, то только не Глебу. Он хмуро взял Ленину сигарету, откинул легкую форточку.

– Ну прости меня, Глеб! Я наговорила тебе лишнего, – она накинула футболку, расправила ее до бедер. Подошла к курящему Глебу и обняла его за предплечье.

Он молчал, с фальшивым вниманием глядя, как с каждой затяжкой уменьшается сигарета.

Он думал о том, кем она была для него, и ответ как-то не подворачивался. Любовницей? Подругой? Девушкой? Телкой? И с тоской склонялся к последнему.

Он хотел бы остаться в этой маленькой комнате хозяином! Хотел бы любить Лену и заботиться об этой красивой и в меру непутевой женщине. Но женщина, увы, не зовет его делать эти приятные вещи. Женщина пока находится в поисках своего, не пересекающегося с Глебом счастья...

– Ничего, – ответил он и погладил ее по голове.

Потушил окурок. Рывком надел брюки.

– Ты не будешь завтракать? – уже все понимая, спросила она.

У него не было желания язвить. Поэтому он ответил:

– Спешу! – получилось просто и натурально. Глебу понравилось.

– Ты же мне позвонишь?

– Ну конечно, – чуть не добавил «нет» Глеб.

Он вышел к остановке трамвая. В воскресный день на улицах почти не было людей. Глеб подумал, что еще пару лет назад он бы заплакал от досады. А теперь...

Теперь он четко понимал, что она ему не нужна, несмотря на то что с ней хотелось остаться.

В понедельник побывавший в Музее истории религии Корнеев делился с Глебом.

– Зря ты не пошел... – сожалел он.

– Зря, – согласился Глеб. – Действительно зря...

7

В слякоть ботинки – те, что подарил Глебу Корнеев, – были особенно хороши. Если зимой в приличные морозы ноги все-таки мерзли, то вот в такую – апрельскую – погоду ботинки были незаменимы. Поскольку непромокаемы. И по утрам Глеб не обходил детскую площадку, где собралась талая вода, а шел напрямик. Водостойкие ботинки вели себя как нельзя лучше.

После пережитой зимы влажный апрель уже не удивлял Глеба и не становился для него чем-то непривычным, несмотря на то что такой апрель в его жизни случился впервые. На родине в это время люди расхаживали в футболках.

К концу месяца наступило резкое потепление.

Лужи подсохли. Возле канализационных люков желто заморгала мать-и-мачеха.

Дышать стало вдруг легко, как будто легкие нарастили за зиму дополнительный объем.

Глеб был рад тому, что ему некогда тосковать. Хотя поводов для тоски было достаточно.

Во-первых, ему стало понятно, что надо искать какой-то заработок. Денег, которые присылали родители, было совсем мало. К тому же мать писала, что отец вновь стал выпивать. Выводы, как говорится, напрашивались сами собой.

Отец три года не брал в рот ни капли. Этой весной подшивка кончилась. Повторять опыт отец категорически отказывается. И пьет пока не очень крепко – по крайней мере совмещает пьянство с работой. Чем это кончится, знают все. В том числе и отец. И несмотря на это, надеются на лучшее. Зря!

Во-вторых, на чужих примерах перед Глебом открылись непостижимые его разуму еще полгода назад горизонты.

Сергея Ковба долго ухаживал за Олей Скрипченко. Приглашал ее в ресторан на чашечку кофе. Дарил ландыши. Потом как следует поприжал Олю на черной лестнице. После этого они решили жить вместе.

Сначала они хотели расселить соседей, придумывая для этого хитрые комбинации. Потом ходили напрямую к коменданту. Комендант, ленивая дама за сорок, проживающая на пятом этаже, сказала, что свободных комнат нет. Возможно, простимулированная каким-нибудь сто долларовым конвертом, она бы и нашла выход, но Ковба решил вопрос по-другому.

Сергея работал охранником на платной автостоянке. Получал довольно легкие и, соответственно, небольшие деньги. Так вот, Ковба снял комнату в коммунальной квартире. Кроме себя поселил туда и счастливую Олю. Тесноту маленькой комнатухи Сергея объяснял так:

– И так и так тесно! Так я лучше с телкой, чем с Ушаком!

«Ушаком» называли здорового, как секретер, и крепко пахнущего мужчиной капитана сборной института по плаванию Сенью Ушакова. До последнего времени Ушак был Серегиным соседом.

Теперь Сергей проживал с еще не вышедшей из статуса «телки» Олей.

К тому же комната была все же объемнее двуспальной общажной кельи.

Пока такой поворот был пределом мечтаний Гончаренко. Помимо денег для совместного проживания была нужна вторая половина... Глеб пытался не переживать об этом и думал пока о том, как создать уют там, где он жил сейчас.

Сосед давно предлагал купить вскладчину телевизор. При том что, имея деньги, мог бы сделать это в одиночку. Однако ему и в голову не приходила эта затея. Ему было не взять в толк, почему Глеб стал бы смотреть телевизор бесплатно. И он не покупал.

– Займи у кого-нибудь, – предлагал он и, не услышав ответа, добавлял весомое: – Отдашь в рассрочку.

Как будто бы даже знал, у кого занимать.

В начале мая Глеб принес телевизор. Стоило ему обмолвиться в институте о том, что неплохо было бы... Или – неплохо бы было...

В общем, ему пришлось еще и выбирать. Не отягощенные ощущением финансового краха однокурсники наперебой предлагали ему старенькие телевизоры. Среди телевизоров были даже радиола и проигрыватель виниловых пластинок.

В итоге за компанию к старенькому «Горизонту» комната Глеба пополнилась еще и кассетным магнитофоном без задней стенки. Рухлядь была вполне жизнеспособна.

– Почем взял? – заинтересованно произнес сосед, доставая при этом лощеный кожаный кошелек.

– Да убери... – благодушно удостоил ответа Глеб. Ему было приятно внимание, оказанное ему товарищами.

Сосед поспешно убрал лопатник в задний карман.

К вечеру комната наполнилась синеватым свечением. Если свечение и движущиеся фигуры мешали готовиться к занятиям, можно было тихонько запустить шелестеть аудиокассету. На единственной пока аудиокассете было коротко выведено:

«Битлз». Эту кассету Глебу подарил Корнеев.

Глеб пытался организовать свое существование так, чтобы тосковать было некогда.

Когда все же подступало, Глеб уходил на берег Невы.

Не парадная, а уже судоходная Нева жила в десяти минутах ходьбы от общежития. Они любили гулять здесь по набережной с прошлой симпатией еще в октябре. С тех пор, не в пример симпатии, Нева стала еще краше.

Он, подстелив пустой рюкзак, садился на ступени набережной. Когда были деньги, доставал купленную пачку сигарет. Отключался от всего, что оставалось за спиной. Впереди же были только вода и сравнительно далекий берег.

Глеб предавался мечтам, как тибетский монах, отказавшийся от земных благ. Сходства с монахом добавляло то, что Глеб тоже от них, земных благ, отказался, правда, по другой, экономической причине.

Здесь, на берегу Невы, Глеб впервые принялся мечтать о путешествиях. Уже не отвлеченно, а с четким практическим применением своих знаний. Все, что не касалось математик, давалось Глебу легко. Более того – от некоторых предметов он получал удовлетворение. И чувство причастности. Да что там от предметов – даже от слов! Не каждый может со знанием дела говорить о скорости адвекции...

Еще он проникался уважением к преподавателям. Многие из них были учеными с мировыми именами. При этом вместе со студентами дымили в курилках и иногда маялись с похмелья на первых парах. От такой сопричастности Глеб чувствовал себя молодым перспективным специалистом. Конечно, усмехался этому... А после опять чувствовал.

Когда начинало темнеть, Глеб уходил с берега. Темнота была благодатной почвой для нездоровой тоски, а от одиночества в голове образовывались ненужные, бесполезные вещи.

Вспоминалась осенняя симпатия. Еще несколько приятных взору женщин. Если не уйти в это время и остаться сидеть до темноты, вспоминалась Лена. На Лену стоял запрет.

Табу!

На ее все – от пахнувшей лаком блондинистой прически и ало выкрашенных губ до... Если не остановиться и на этом – то, что после «до», окончательно сбивало Глеба с нужных мыслей. И хотелось рычать и выть одновременно. Добраться до ее бедер и рвать кружевную ткань, чтобы грубой рукой добраться до мокрого...

Глеб сплевывал в воду от отвращения.

Он позвонил ей один раз потом – выпивший был. К счастью, линия была занята.

Он сплевывал еще раз.

«Все будет», – раз за разом повторял он. И то и другое – результаты работы. Обычно эти два явления идут рука об руку, и чем больше у тебя денег, тем пушистее у тебя женщины.

«Все будет», – говорил он себе и, стиснув зубы, вставал со ступенек набережной, чтобы уйти до сумерек.

С Корнеевым Глеб общался все меньше. Потому что с некоторых пор пределом мечтаний Корнеева был теплый портвейн и задушевные разговоры где-нибудь на крыше. У Глеба все-таки были иные приоритеты. Да и прежний Корнеев, не имеющий очевидных вредных привычек, был Глебу немного ближе. Тот Корнеев напоминал Глебу себя лет в пятнадцать. Еще до женщин.

И все же преступал рамки алкогольного запрета он теперь в основном с Корнеевым. Только в отличие от Глеба Слава переступал эти рамки почти каждый день.

К тому же Корнеев совсем влюбился. И вел себя порой так глупо, как может вести себя человек, влюбленный первой любовью. В своей жизни этот период Глеб с удовлетворением и охотой подзабыл. Потому что тоже вел себя очень глупо.

На вопрос Корнеева о первом чувстве как-то отреагировал:

– Да... Противно вспоминать...

Соответственно, пытался этого не делать.

Когда мать-и-мачеха, помелькав и исчезнув, сменилась одуванчиками и в недалекой перспективе замаячила сессия, Глеб был к ней подготовлен.

В этот раз он зубрил материал совсем один. Оставил на потом даже белые ночи. Несогласные с этим белые ночи одна за другой заглядывали в окошко общаги, где до утра не гасла настольная лампа.

Сосед Глеба спал крепко и невозмутимо. Он учился на другом, менее престижном факультете и получил свои тройки просто так – за посещение.

Первой – с удовольствием и не без определенного блеска – Глеб сдал историю. Даже помещение, в котором проходил экзамен, а до того читались лекции, хранило на себе отпечаток прошлого. Помещение до революции являлось домовою церковью, тогда как все здание до своего советского прошлого – богадельней.

Густобородый преподаватель долго слушал Глеба, бесшумно жуя губами, словно лошадь. Потом снял очки и положил их перед собой.

– Достаточно, – заключил он и долго и кругло рисовал в зачетке Глеба «отлично».

Довольный Глеб вышел из кабинета. Минут десять подождал Корнеева, которому история тоже не могла причинить неприятностей.

– Отметим? – засуетился Корнеев, доставая из заднего кармана весомую купюру.

– Все сдадим и отметим, – оборвал его радость Гончаренко.

– Да по пиву... – не понял приятеля Слава и даже замер, не донеся купюру обратно в карман.

– Нет. Я не буду, – жестко отрезал Глеб и пошел к выходу.

Он чувствовал, что переиграл. Переборщил. Отрезал чересчур резко. Корнеев ведь не предлагал ему банкета, да еще и за его, Глеба, деньги. Элементарно предложил выпить пива.

Если бы Глеб получил три, он бы согласился. Если четыре – подумал бы. Но здесь на карту было поставлено самоощущение. Психология победителя.

Глеб удалялся, и удивленный Слава не бросился его догонять.

Глеб отдалялся от Корнеева.

«Слабого – подтолкни».

Корнееву только-только исполнилось восемнадцать.

Через неделю, перед последним экзаменом, Глеб не раз ловил себя на мысли, что не входящая в его планы тройка сейчас пугает его больше, чем, наверное, отчисление из института

полгода назад. Тогда это было естественным. Сейчас он делал все для того, чтобы тройки не случилось.

Математика опять оказалась последней, и поэтому до конца сессии вся группа находилась в напряжении. Исключая, может быть, двух-трех отличников и стайки безнадежных, которым было вообще все равно.

В зачетке Глеба к «отлично» по истории присоседились две вполне объемные, отвечающие требованиям Глеба четверки. Присовокупить к ним третью близняшку значило на полгода обеспечить себя карманными деньгами.

Глеб по-настоящему готовился.

Две или три ночи подряд он листал конспекты. Часто слюнявя указательный палец, слизал с него все отпечатки. За неимением кофе выпил пачку турецкого чая, доводя его крепость до бензиновых разводов в стакане. Даже практически не курил.

Накануне экзамена Глеб лег спать попозже. Потому что до этого ложился пораньше – в четыре и в пять утра. На этот раз – около двух ночи.

Проснулся – уверенный. Отдохнувшая голова сохранила около десятка доказательств теорем из просмотренных вчера тем. Результат более чем впечатляющий!

Когда Глеб понуро вышел из аудитории, то увидел сидевшего на подоконнике Многодева.

– Глебыч, не сдал, что ли? – окликнул его тот.

– Да ну... тройка, – выдавил Глеб и выругался.

– Да ладно, Глебыч! Зато лето! – и приятель картинно обвел рукой оконный пейзаж, где на фоне сочных июльских красок сидели на траве перед институтом праздные студенты.

– Лето, – согласился Глеб.

На родину он собирался в начале июля. Никто же не знал, что экзамены кончатся так быстро. Время сессии закладывается студентами с учетом времени пересдачи. Да и деньги, которые Глеб планировал потратить на билет, родители пришлют только в последних числах месяца.

Лето уже не было так плотно связано с югом, как в первое полугодие. Оказалось, что лето существует и на севере. И мшистое, ягелевое лето Петербурга, о котором он составил мнение на родине, оказалось фантазией.

Менее жаркое лето включало в себя все летние атрибуты – высокие температуры и быстрые ливни, буйство листвы и яркость красок. И белые ночи, о которых он не имел полного представления до сих пор.

Домой уже не тянуло, и Глеб с оттенком неприязни вспоминал свою осеннюю тоску по родному городу. С неприязнью же откровенной, без оттенков, он думал о словах Влада, сказанных ему однажды:

«Дома хоть телевизор был. И матушка готовила...»

К тому же Влад особо не изменился. Потирал руки, когда речь заходила о доме. На насмешливый вопрос Глеба, задаваемый десятки раз, Влад отвечал почти одно и то же – ответ допускал небольшие вариации:

– Как дома нечего делать? Пива взять. На пляж пойти и на телок смотреть.

Если на улице погода была дождливой, Влад менял занятие, оставив только место действия.

– Да я пива наберу и пойду на море бычков ловить...

Тяга к крупному рогатому скоту довольно четко прослеживалась в его ответах.

Иногда, и все чаще в последнее время, Глебу вообще не хотелось ехать домой. Заставать там пьющего отца и задерганную, уставшую от этого мать. Беззащитного младшего брата, который был на восемь лет младше Глеба. И еще он почему-то стеснялся себя – теперь столичного и совсем не такого, как раньше.

Местное лето можно провести с гораздо большей пользой. Тот же Корнеев звал к себе на дачу, которая северной своей стороной выходила чуть ли не прямо на Финляндию.

Пока Глеб задумчиво поглядывал в окно, дымя стрелянной сигаретой, из аудитории вышел Корнеев.

– Ну? – заинтересованно спросил Глеб.

– Не поверишь – пять! – ухмыльнулся Слава и щелкнул пальцами в воздухе.

– Не поверю... – произнес Глеб.

– На, смотри... Я специально в сумку не убираю, – и он сунул Глебу зеленоватую книжечку зачетки.

В графе и вправду стояло «отл.».

И Глеб огорчился. Причем огорчился трезво, четко понимая, что зависть – чувство бессмысленное и дурное. Только вот что-либо сделать с этой завистью у Глеба пока не получалось.

Да и чувство было новое.

Если раньше Глеб играл на чужом поле и по чужим правилам – приезжий, еще не обученный и не обстрелянный, – то сейчас все они были в равных условиях. При том что Глеб, как ему казалось, прилагает больше усилий.

Поэтому зависть... вернее, обида была. Только вот сам Корнеев был в этом не виноват.

Когда горстка закрывших сессию счастливицов превратилась в толпу, они долго решали, как следует отмечать событие.

Финансово обеспеченные предлагали открытое кафе с зонтиками. Остальные – бродить по городу... Выпить на набережной Невы... Сфотографироваться на фоне Петропавловки...

И только Глеб вдруг произнес:

– А пойдёмте гулять... ночью!

Выбор был сделан. Когда Глеб вернулся в общагу, чтобы переодеться, у вахты, в деревянных ячейках для телеграмм, он обнаружил клочок бумаги, адресованный ему. «Приезжай зпт погиб отец тчк»

8

Глеб проснулся от звука. Во сне ему почудилось, будто где-то близко, в соседней комнате, прокричал петух. Когда он открыл глаза, стало тихо. Потом слышалось звяканье ведра и резкий скрип.

На соседней койке, завернувшись в одеяло, спал сосед. Вернулся, что ли?

Потом все обрушилось резко и неотвратимо: Туапсе, родной дом, вчерашние похороны отца... На соседней кровати спит никакой не сосед, а маленький брат Ромка.

Глеб спустил ноги с постели, оглядел длинную, как трамвай, бывшую свою, а теперь брата комнату.

Две кровати у окна, одна напротив другой. Стол с неорганизованной кучкой книг и засохшими цветами в литровой банке. Шкаф со шмотками. Обветшавшие обои, которыми оклеили комнату еще в Глебовом детстве.

Глеб залез в брюки, нащупал в кармане сигареты, купленные по вчерашнему печальному поводу. Приоткрыл дверь и через сени вышел на крыльцо.

События вчерашнего дня, которых было многовато для одного человека, казались тяжелым сном, не исчезнувшим с пробуждением.

За вчерашний день Глеб устал так, что едва не засыпал на поминках, в то время как надо было изображать горе.

Изображать горе Глеб не хотел с самого утра.

Однажды, лет, может быть, в двенадцать, Глеб стащил из кармана отца рубль. Сложенная вчетверо бумажка переехала жить из глубокого кармана отцовских брюк в менее глубокий – Глеба. Жила там, между прочим, недолго. На ворованные деньги они с приятелем купили мороженого.

Вечером была крапива. При том что, если бы Глеб не признался сам, вряд ли отец решился бы на бездоказательное наказание. Когда он спросил Глеба: «Ты?» – Глеб честно ответил: «Да». Юлить и вывертываться было еще страшнее.

После крапивы, уже отрыдав и успокоившись, Глеб решил, что убьет отца завтра, когда тот будет еще спать. Убийство он проспал. Да и ненависть к отцу поутихла. Но шрамик остался. Даже не сказать, что саднил, – только виднелся.

Отец выпивал и огрубевал одновременно. Приходя со смены домой, дремал над остывающим супом с папиросой в зубах, то и дело наливая себе из ежедневной «маленькой». Тихо косел и шел спать, оставив после себя крошенный хлеб и яичную скорлупу.

В пятнадцать Глеб распознавал свое с ним родство с трудом.

Потом отец все-таки подшился. Стал нервным и резким. Нередко орал на мать за всякую чепуху. Повесил приبلудного трехногого кобеля, которого сам же и приволок по пьянке. И кажется, обо всем этом переживал. Жить с ним стало тяжело. Отправляя Глеба в Петербург, был скуп на слова:

– Ты там попробуй закрепиться. Может, девушку найдешь... Ты же сам все знаешь! Деньги я тебе по мере сил... Да, по мере сил...

Когда отец отрезвлялся, денежные дела в семье ощутимо поправлялись.

Любви между Глебом и отцом не было вообще. Хуже того, у Глеба к отцу не было даже уважения – все ограничивалось страхом и пришедшим ему на смену с возрастом равнодушием.

Изображать равнодушие, выдавая его за горе, Глеб не умел. Поэтому все поминки сидел молча, изредка откликаясь на хмельные вопросы бесчисленного количества дядьев как с отцовской стороны, так и со стороны матери.

Чтобы равнодушие было похоже на горе, Глеб в десятый уже раз пытался представить последние часы и минуты отца.

За час до своей смерти отец преспокойно пил водку с владельцем лодки и пьяницей-армянином Акопом – как выяснится позже, отцовским Хароном. За полчаса – собирал весла и вставлял уключины, вглядываясь в ненастное море.

За несколько минут – разматывал снасти.

Как местных жителей занесло в такое море в таком состоянии, знает только водка. Потому что любой рыбак, только лишь поглядев на погоду, отказался бы от рыбацкой затеи.

Армянин утверждал, что случайно перевернул лодку отец. Естественно, что Акоп будет валить все на покойного. С него-то, покойника, какой спрос?

Акопа спасли люди, возвращавшиеся на яхте с прогулки. Отца вынесло на берег спустя сутки. Тело уже поджидали родственники.

Что чувствовал отец, оказавшись в воде? Оторопел и захлебнулся или боролся до последнего? Сумел ли осознать надвигающуюся смерть, или море смиростивилось, лишив отца чувств раньше, чем жизни?

Так размышлял Глеб, глядя на поднимающих полные рюмки дядьев, которых отцовская смерть ничему не научила.

В какой-то момент Глеб почувствовал отвращение к каждому поодиночке. Они – как отцовские, так и материнские родственники – были примерно одинаковыми. Умеренные пьяницы, работяги с той или иной квалификацией, хозяева с тем или иным уровнем домовитости... Багровые от ветра и водки лица. Прокуренные усы. Они родились здесь, на берегу моря, и умрут они точно здесь. На том же берегу моря. То, что они не поцарапают земной коры, – это полдела! А вот то, что они даже не мыслят этого попробовать... И их счастье находится где-то между первой и восьмой рюмками, после восьмой ложкой дегтя примешивается тоска... И Глеба интересовало, о чем могут тосковать эти люди!

Жалел Глеб только мать! И, как оказалось, зря. В первую ночь после его приезда они с матерью долго просидели за столом. Выпивали. Глеб заметил, что мать приобрела какие-то навыки в этом деле. Промолчал. Говорила мать вот что:

– Я устала, Глеб! Я его последнее время даже своим присутствием раздражала! Придет домой, глазами туда-сюда – меня нет! Он давай Ромку гонять по пьяному делу! То ему не то, это не это... Деньги-то на выпивку он где брал, если он месяц уже не работал? Сперва свои были, а потом свои-то кончились! Ты не беспокойся, Глеб, мы-то с Ромкой проживем. Так, кое-что еще продать можно, и тебе прислать буду. Только учись ты...

Красивая раньше, к сорока годам мать заполучила порцию седины в шикарные, когда-то черные волосы.

Глеб сидел, набывчившись, низко опустив голову. Смотреть матери в лицо ему почему-то было стыдно. Он пока не мог сказать: «Не надо мне присылать деньги. Я сам!»

Если мать Глеб жалел, то Ромка его беспокоил. Запуганный ребенок с черными, доверчивыми глазами все больше молчал, и если Глеб спрашивал его, Ромка отвечал вяло и односложно. Родственных чувств к Ромке, как и к отцу, тоже было немного.

Глеб курил на крыльце, наблюдая за тем, как просыпается жизнь в доме напротив.

Сосед дядька Андрей выкатывает из ворот белую «восьмерку». Оставляет машину заведенной и возвращается во двор. Что-то кричит в окно дома – очевидно, прощается. Садится за руль и уезжает.

Глеб не здоровается с дядькой Андреем, зная, что у того плохое зрение. В этой гробовой суматохе Глеб не успел пробежать даже друзей и соседей.

Сегодня суббота, и большинство его знакомых, наверное, спят еще в это время.

Из-за угла дома с пустым, в опилках, ведром вышла мать.

– Курам дала, – сурово произнесла она и, мягче: – Ты зачем так рано проснулся?

Глеб спустился под горку. Потом прошел мимо магазина и хотел было повернуть обычной дорогой, той, что он ходил к Скрипкину, когда кто-то громко окликнул его сзади.

– Гончар! Глеб! – и снова: – Гончар!

Глеб обернулся, узнав голос приятеля.

Глеб не помнил того времени, когда он был не знаком со Скрипкиным.

Они вместе ходили в детский сад. Все, что Глеб помнит оттуда, – это как раз сопливая физиономия Скрипкина. Дальше – первый класс. Его и Скрипкина матери ведут первого сентября в школу нарядных детей, болтая между собой так увлеченно, что Глеб и его друг Санек едва не удрали от них.

Младшая школа – Глеб украл у отца две папиросы и принес их в класс в нагрудном кармане школьного пиджака. Одна из папирос просыпалась. Вторую они выкурили за гаражами, стоящими неподалеку от здания школы. Глеба тошнило, и он надолго забыл о табаке. С Саней, уву, этого не произошло.

Между детскими безобразиями и первым интересом к девочкам – глупости наподобие индейцев и пиратов, где Глеб обнаруживает интерес к истории и географии.

Позже – совместные и сладкие тяготы полового созревания. Изошренная ложь во всем, что касается девочек... И наконец понимание, что все, о чем они врили, происходит совсем не так.

Хотя это случилось уже в техникуме.

Саня к тому времени подался в путягу, но с Глебом они были соседями и все равно проводили вечера вместе.

– Гончар, елы... – басил Саня, заключая Глеба в неловкие объятия. От Сани кисло пахло потом и перегаром. В его авоське звякало.

– Ну здорово, чувак! – обрадовался и Глеб, ловя себя на том, что не мыслит приветствия без подобной фразы.

– Ну ты это... Прими соболезнования, что ли?

– Спасибо, – ответил Глеб – Ты домой?

– Да пойдем, пойдем... – обнимал его Саня за плечо: У меня водка есть. Шмали немного... Я думал полегоньку на пиве съехать, да, видимо, не получится... Бери, бери...

Он раскрыл авоську перед Глебом. Гончаренко достал себе холодную, покрытую каплями влаги бутылку. Запотевшая бутылка выглядела как цельное изобретение. Вся – от пробки до содержимого. Ее не хотелось открывать.

Саня взял пробку в зубы. Дернул. Пиво зашипело.

– Зубов не жалко?

– А... – неопределенно отмахнулся Саня. Протянул Глебу открытую бутылку.

– Может, здесь посидим? – предложил Глеб. Он забыл, что к местным, пусть даже и самым близким друзьям, нужно относиться с осторожностью.

– Да ты чо, Гончар! Мы же год не виделись...

И тут Глеб понял, что прав. Не видеться год – еще не повод, чтобы выпить и выкурить все кайфы одновременно, не помня наутро половину из того, что было сказано.

– Нет, Саня. Я матушке обещал, – вывернулся Глеб.

– Ладно... – пробурчал Скрипкин, сворачивая к лавочке возле магазина.

Человеком Скрипкин был неплохим. По местным меркам – даже хорошим. Будучи одарен физически, мог позволить себе не водиться со шпаной. К тому же он был глубоко местный – его знала не только каждая собака, но и каждая кошка с мышкой в придачу. Скрипкин был чем-то вроде местного авторитета. Пацаны поглядывали на него с уважением.

– Ну, Гончар, рассказывай, чо там в Питере делаешь? Телок местных попробовал? Чо как там, а?

За убогостью выражений, знал Глеб, стояло искреннее любопытство. И не только телками, конечно, интересовался Саня. Он, возможно, хотел знать о жизни в общаге, новых друзьях. Просто спрашивать об этом как-то не принято. То ли дело – телки.

– Да офигенно, – вдруг услышал себя Глеб. И даже вздрогнул от неожиданности. – Телки красивые... – продолжил и немного похвалил себя Глеб. Пусть пока «телки» – Саня бы не понял «девушек», но уже «красивые», а не что либо сально-матерное...

– Ну а как там вообще?

«Вот это объем у вопроса», – удивился Глеб.

– Учусь. По пять пар в день. Пара – полтора часа, пятнадцать минут перерыв. Короче, как на работу... Так что бухать там особо некогда.

– Да ла-адно, – недоверчиво произнес Скрипкин, закуривая.

Протянул сигареты Глебу. И впервые в жизни Глеб отказался со словами:

– Я бросил...

Свою пачку он оставил дома, на столе, рядом с банкой с засушенными цветами.

Скрипкин уважительно посмотрел на Гончаренко и удивленно при этом выругался.

– Ну ты... Не пьешь, не куришь... И чего вы там целыми днями делаете? В театры ходите?

– В музеи! – парировал Глеб.

– Ты серьезно, Гончар? – напрягся Саня. – Значит, я в этой жизни вообще ничего не понимаю. Зачем тебе эти музеи? Пива взял... На море пошел...

– На телок смотреть или бычков ловить? – еле сдержав усмешку, спросил Глеб.

– Да нет, я серьезно!

– Ну и я... – перебил Глеб. – Чем наши-то занимаются? – попытался он разрядить обстановку. «Наши» – одноклассники, с которыми Глеб и Скрипкин сохранили связь.

– Ну как... По сравнению с тобой, Гончар, – ничем! Ну вот честно... – Скрипкин даже положил руку туда, где у людей случается сердце. – Силя уехал в Ставрополь – там у него батя работает, Андрюха сидит... А, ну ты знаешь. Дема здесь.

– Я к нему собирался...

– А я тебе скажу, Гончар, – не ходи! Он там на какую-то химию подсел...

– Торчит, что ли?

– Да не то что торчит... Я тебе расскажу, а тебе самому решать. Короче, я не знаю, как эта хрень называется, но только от нее очень хочется бабу. Они собираются – человек пять и телка – и себе это колют... Говорят, что к ней не привыкают. Чушь, я так думаю.

– Какой ужас, – поежился Глеб.

– Да ну, – подтвердил Скрипкин, торопливо закуривая. Так, словно собирался отгонять от себя злых духов.

– Дема говорит, что все нормально – только я-то вижу, что нет, не нормально... Ну кто еще... Хохлова двойню родила, а я, знаешь, думаю, как в нее вообще дети поместились, а? Она же тощая... Солонкина замуж вышла за какого-то чучмека. А красивая была... Я – видишь, бухаю...

– Ты это давай кончай, – с улыбкой пожурил его Глеб, но Саня вдруг заговорил серьезно:

– Давай, Гончар, начистоту! Ты – молодец, не потому что ты учишься, а даже потому, что хочешь чего-то. Я, положим, тоже чего-то хочу! А вроде как поздно...

– Тебе двадцать лет! – напомнил ему Глеб.

– Время упущено...

– Да ты чо! – от удивления Глеб даже выронил забытое словечко.

– А... – махнул рукой Саня. – Я, кстати, твою тут видел! С дочкой...

Глеб думал, что эта женщина уже не может его потревожить. Взволновать! Однако даже одно упоминание ее Саней вдруг обожгло его воспоминаниями.

Твоя? Моя? Своя? Та, которую видел Саня... Звали ее Алла. Имя кончалось и начиналось на первую букву алфавита. Имя можно было читать задом наперед... Ладное имя. И холодное одновременно. Как синий цвет. Без всяких «ю» и «я».

Как она вся...

Когда Глебу было шестнадцать, ей – двадцать один. И у нее была дочь, которой в то время было четыре. У Аллы никогда не было мужа, но она, по ее собственным словам, «к двадцати годам повидала немалое количество мужиков». В произнесенном ею варианте слово «мужики» было заменено на соответствующий мужику половой признак. И странное дело – она приводила этот аргумент как несомненный плюс. Хотя, по правде сказать, определенная часть мужчин действительно так считает. Не в этом дело. Дело в том, что «немалое количество повидав», она таки захотела присовокупить к этому количеству Глеба. Семнадцатилетнему подростку это льстило.

Искусав его в лакомых местах, наигравшись с его здоровьем и готовностью к подвигам на ниве любви, она выбросила его, как капризная собачонка, нашедшая другую забаву.

Втихоря Глеб плакал. В уме – стрелялся и вешался десятки раз. Спасло его только то, что он где-то слышал, будто у висельников непременно расслабляется кишечник и изо рта вываливается язык, и невозможность застрелиться из швабры или удочки.

Вторая в жизни мимолетная связь вывела его из состояния внутреннего апокалипсиса. Взросление продолжалось. Но даже и сейчас, по прошествии лет, при воспоминании об Алле у Глеба сжималось где-то под сердцем. И ощущения эти были сродни тревоги. С Аллой тревога преследовала его всегда и повсюду. Может быть, с женщинами и нужно начинать именно так, чтобы потом уже ничего не бояться.

Он боялся ее подруг и всех мужчин, с которыми он мог ее видеть. Вплоть до пожилого директора магазина, где она продавала сладости и сахарный песок.

Один раз он встретился с отцом ее дочки. Крупный и животастый, тот был раза в два старше самого Глеба. Звали его Костя.

Он произвел на Глеба огромное впечатление. Если не маленький, но вполне себе средних размеров Глеб рядом с Аллой смотрелся гармонично, то массивный Костя в красной футболке выглядел именно как защитник. Хрупкая Алла уравнивала собой разгул мышц и кипение тестостерона. К тому же Костя был лыс и при этом загорел. Как он, зачиная дитя, не повредил хрупкие Аллины косточки?

Костя сказал: «Ого!» – и рука Глеба чуть ли не по локоть провалилась в рукопожатие.

Несколько раз он назвал Аллу Алкой! Она отвечала сварливо и капризно. В капризных нотках Глебу почудилось кокетство.

Когда Костя ушел, забрав с собой дочь, за которой и приходил, Глеб стал задавать глупые вопросы. Ему казалось, что, если Алла на них ответит, он расстанется со страхами. Оказалось наоборот! Чего стоит только один ответ Аллы на вопрос о постели.

– Костик? Да ураган... – она не закончила, а Глеб побоялся спрашивать.

Глеб не мог вспомнить случая, когда ему казалось, будто у них с Аллой все хорошо.

Глеб никогда не спорил о любви. Даже в винных разговорах с Корнеевым он избегал этого термина.

Он вспоминал себя семнадцатилетнего. Когда Алла говорила ему что-то, у него отключалось сознание. Когда он видел смуглую полосочку ее тела между джинсами и футболкой – у него тоже отключалось сознание. Он сходил с ума... Но почему тогда он не смог даже просто симпатизировать ее дочери? Части ее самой?

Как-то в ванной комнате ему на глаза попала описанная четырехлетним ребенком простыня, которую Алла впопыхах забыла застирать. Простыня к тому же имела запах. В тот день Глеб уговаривал себя прикоснуться к чашке чая, налитой Аллой. Везде, по всей крохотной квартирке ему чудился детский запах, хотя Глеб и осознавал, что источник запаха у него в голове.

Так было.

И было уже не важно то, как это называется.

Осталось волнение, которое скорее всего исчезнет, если Глеб увидит Аллу и заговорит с ней. Волнение исчезнет – останется скука.

– Как она? – равнодушно спросил Глеб. – Ты подошел?

– Она, по ходу, тоже бухает, Гончар, – признался Скрипкин.

– Это с чего ты взял? – спросил он, думая о том, что так и должно было быть. «Немалое количество мужиков» почему-то не приносят счастья.

– Вид у нее какой-то... Ну хрен знает... Свалявшийся, что ли... Ну и пиво брала. Я не стал подходить. Неудобно стало.

– Ну да, – коротко подтвердил Глеб, а сам подумал, что несвойственное ему злорадство неожиданно показало себя в необычном месте.

Не то чтобы Глебу хотелось ее неудач. Тем более – разбитой алкоголем жизни. Хотелось какой-то маленькой, но запоминающейся мести. За то, что она считала себя самой-самой... И за то, что для Глеба ею была.

Глеб распрощался с Саней тут же, у магазина, заранее дав себе слово не покупать на предлагаемые Скрипкиным удовольствия.

Прощание вышло долгим и тягостным. При этом правомерно сулило дальнюю дорогу. Скрипкин не мог понять, как при отсутствии дел можно отказаться от водки. Поэтому дела Глебу нужно было срочно придумывать.

В конце концов обнялись и пожали руки.

– Может быть, зимой приеду, – соврал Глеб.

Глеб вернулся домой, удивив мать.

– А чего ты вернулся? Сашки дома нет?

Мать намывала посуду после вчерашних поминок.

– Сашка? Есть, – отвечал Глеб. – Мне на море надо.

– А Сашка? – матери было не понять, почему есть Сашка, а Глеб при этом хочет на море.

– Мам, мы пообщались, – попытался успокоить ее Глеб.

– Может, тебе деньги нужны? – отчаянно предположила она.

– Мам... – Глеб хотел положить руку ей на плечо, но в последний момент сдержал себя. В его семье было не принято трогать друг друга руками.

Она, кажется, поняла.

Дорога до моря занимала около получаса. Он завернул на дикий пляж, но и там в это время было полным-полно народа.

Глеб сел далеко от воды и людей, размотал с кулака полотенце и снял футболку.

Тут же поймал себя на том, что среди лежащих и двигающихся по направлению к морю тел ищет глазами девичьи прелести. Это было настолько естественным, что он усмехнулся. Пожалел даже, что не взял пива. Хотя, пожалуй, он все-таки не мог позволить себе незатейливый отдых сразу после похорон. Покойники заслуживали уважения только потому, что перешагнули грань. А потом уже все остальное...

Глеб сидел, рассматривая окружающих. Подсознательно он всегда хотел отделиться от толпы, но разумно противопоставлять себя толпе было увлекательнее...

Глеб переводил взгляд. Он знал эту особенность любого заполненного телами пляжа. Взгляд таки наталкивается на хорошее женское тело в сопровождении телохранителя. Элементарная теория вероятности. Потом, в зависимости от телохранителя, развития событий могло быть два: если кавалер хорош собой и на его накачанном бицепсе или плече скалился цветной дракон, то Глеб убеждал себя в том, что обладательница тела – малоинтеллигентная дура, клюнувшая на первичные половые признаки самца – мышцы и кошелек (Глеб был уверен, что все накачанные самцы богаты). Если же самец был так себе, Глеб обижался на его спутницу проще – только за то, что она выбрала не его.

Какое-то такое времяпрепровождение, видимо, и ценил Влад.

Разница в том, что если Владу это нравилось, то Глеб держал такие занятия за унижение. Да и на пляж Глеб пришел не за этим.

Ему хотелось расставить все по местам. Если ехал он сюда хоронить отца, то после похорон у него вдруг не осталось здесь дел.

Он уже не смог бы равнодушно смотреть на то, как мать собирается на работу, притом что он, Глеб, волен с утра делать все, что захочет. При таком раскладе Глебу ничего и не захочется.

Потом друзья! Если к Скрипкину ходить еще раз было просто незачем, то к Деме – еще и опасно. Была еще пара-тройка друзей по техникуму, по которым он не сильно скучал... Если он не встретится с ними, ничего страшного не произойдет. И точно не произойдет разочарования! А это плюс.

Дальше... Дальше почему-то с упоминания Сани все это... В общем – Алла. Женщина с именем, читающимся задом наперед... В нее Глебу хотелось плюнуть. Или с ней переспать – он еще не решил. И вот если он не встретится с ней – это будет торжеством. Торжеством Глеба нынешнего над Глебом, повадки которого он хотел забыть.

Впервые он понял, что ему надо ехать... домой.

Главное, попытаться донести все это до матери.

Доковыляв по камешкам до воды, он вошел в нее по пояс и бесшумно нырнул. Вынырнув далеко, сделал с десяток красивых махов руками. Раскинул руки и повис над глубиной. На душе было легко, как бывает тогда, когда принял правильное решение.

Мать поняла его. Попросила остаться на девять дней и дала в дорогу Глебу хорошую сумму денег.

– Это от отца... Он пытался тебя любить, Глеб...

Глеб не поверил и взял деньги.

10

Глеб вернулся в Петербург в начале июля. Общежитие было пустым – оно напоминало шкаф, в котором накануне потравили клопов. В общежитии, как и в шкафу, было пусто и гулко. Почти все студенты разъехались по домам.

Глеб позвонил Корнееву и Мирнову. Не застав их, набрал Многодеева с тем же результатом. И как-то отчаялся. Попробовал даже сходить к Неве, на свое обычное место, но за время отъезда Глеба место утеряло свою магию.

Вечером второго дня в коридоре он столкнулся с Ковбой. Серега был быстр и деловит. Бутылку пива держал двумя пальцами, часто из нее прихлебывая.

– К Ушаку заходил, – комментировал он свое появление. – Да нет его. Тоже уехал, наверное... Ну а ты чего здесь?

– Я уже вернулся, – заметил Глеб, наблюдая за реакцией Сереги.

Тот не удивился – наоборот, одобрительно покивал головой. Глеб удерживал себя от того, чтобы спросить у Ковбы сигарету.

– Правильно... Надо вперед смотреть. Слушай, Глебыч, а ты не хочешь подработать?

– Под?... – с осторожностью уточнил Гончаренко. История с Закиром вынудила его сделаться избирательным на авантюры.

– Ну ладно... Просто это временно! Пока один чувак в отъезде... Короче, мне нужен продавец!

Глеба смутило именно самонадеянное «мне». Чужие заслуги присваивались приезжими ребятами довольно быстро. Можно было раздавать убогие флаеры у метро и говорить при этом: «Наша фирма предоставляет» или «Мы производим продукцию».

Сказав так, Серега сразу поставил себя начальником. И над ним, над Глебом, тоже.

– А директор тебе не нужен? – Глеб перевел раздражение в шутку.

– Ну не мне, ну нам... Какая разница? – понял и отступил Ковба.

– Ну рассказывай...

Назавтра Глеб приступил к работе!

Серега удивил Глеба сразу. А именно – приехал он на машине. Погудел скучающему у дверей общаги Глебу, потом, высунувшись, окликнул его.

– Ого ты... – неопределенно отреагировал он, залезая на переднее сиденье. – Купил?

– Нет, подарили, – передразнил его Серега. – Купил, конечно...

– Круто...

– Да ничего крутого, – рассказывал Ковба, когда они ехали через мост. – Машина дешевая, а для работы во как нужна... Сейчас заедем на склад, а потом на рынок.

Серега и тот самый его знакомый, которого вынужден был замещать Глеб, купили где-то по дешевке несколько тысяч джинсовых костюмов. Стоимость костюмов была такой низкой, что, продав каждый десятый костюм по средней, даже не завышенной в десятки раз цене, можно было с легкостью вернуть вложенные деньги.

Сначала они продавали костюмы по знакомым. Потом хотели снять палатку. И тут кто-то из друзей посоветовал арендовать место на рынке. Это было дешевле и проще палатки. В роли продавцов выступали сами бизнесмены, меняясь по очереди. К июлю друзья скопили какие-то деньги. Знакомый, зачатый и выращенный на плодородной кубанской земле, уехал отдыхать, оставив Серегу один на один с бизнесом. Вести дела одному Сереге было скучно и напряженно.

Они резко сворачивали в незнакомые улицы, по краям которых громоздились ангары. Изредка им навстречу выползали грузовые машины. Серега расхотелся с ними, матерясь сквозь зубы.

Потом он куда-то ходил, оставив Глеба одного в машине. Через какое-то время вынес две громадные сумки, набитые шуршащими пакетами. В прозрачных пакетах лежали аккуратно сложенные костюмы. В каждой из сумок можно было спрятать человека.

Глеб рассматривал товар.

– Да нормальные, – включился Ковба. – Ну понятное дело – на один сезон! Там во второй сумке мужские...

Охранник в серой форме поднял шлагбаум, и машина въехала на рынок. Серега, истошно сигналив, пробираясь куда-то вглубь.

– Бери одну, – кивнул Ковба на сумки. – Я машину закрою...

– Вот наше место, – говорил он пять минут спустя, опуская тяжелую сумку на доски прилавка.

Женщины с соседних мест поздоровались с Серегой. Глеб тоже кивал головой.

– Все! Дальше сам, мне ехать надо... Ну разберешься. Если там чо – в сортир или пива взять, – можешь девчонок попросить присмотреть. Я часа в четыре подъеду. Много не пей, – осклабился он в шутиливой манере и убежал.

Глеб стал раскладывать на прилавке костюмы. Попробовал так и эдак... Потом посидел, жалея о том, что отказался от сигарет.

Соседки с интересом наблюдали за Глебом. Потом одна из них, судя по загару и выговору, тоже с югов, вдруг сказала:

– Чо же тебе твой начальник вешалок не оставил, а, милый мой?

Соседке было за сорок. Глебу она годилась в матери.

– Да он мне не начальник, – отвел укол Глеб и не знал, что еще добавить.

– На! Вот так вот повесь – сюда мужской, а сюда женский, а остальное положи на прилавок, – учила она. – Сейчас пару-тройку продашь – и к тебе народ пойдет. Серега с Вовой такую цену ставят... – соседка даже присвистнула.

Так Глеб узнал имя второго бизнесмена.

Все вышло именно так, как говорила соседка. Сперва к Глебу подошли мальчик с девочкой. Они были на пару лет младше Глеба. Мерили долго, то и дело заливаясь смехом. Услышав цену – насторожились. Расслабившись, купили две пары – ему и ей. Сказали, что пришлют еще кого-то.

Спустя пару часов у Глеба создалась очередь.

Нельзя сказать, что день пролетел незаметно. Во-первых, было жарко. К двенадцати часам Глеб обливался потом. Отойти в тень было некогда. Во-вторых – голодно. Он купил себе пару пирожков у разносчика снеди и съел их всухомятку.

Все это, однако, с лихвой компенсировалось заработанной суммой. Глеб с легкостью отсчитывал от нее десять процентов и довольно улыбался. Это были легкие и хорошие деньги.

Ковба приехал вовремя, когда покупательский поток начал иссякать. Глеб продал половину всего того, что они с Серегой привезли.

– Нормально, – прокомментировал Серега, складывая товар в сумки. – Деньги ты себе взял?

– Нет, – ответил Глеб. Те десять процентов, которые ему полагались, были слишком большой суммой за не самый сложный труд. Ему казалось, что взять такие деньги – наглость.

– Ты чо, Глебыч... – отреагировал Серега и тут же отсчитал Глебу бумажки. – Дают – бери...

Они закинули сумку на склад. Ковба даже не считал остаток.

Глеб поделился с ним своими соображениями относительно денег.

– Глебыч! Я тебе доверяю... Если бы я тебе не доверял, я бы к тебе не подошел. Второе – мне надо, чтобы тебе было интересно. Это все надо продать побыстрее. А про цену я тебе скажу так: это не ворованное, не бойся. Это разовая закупка. Больше не будет.

– И что дальше? – задал вдруг вопрос Глеб.

– Придумаем чего-нибудь... Я тут, чего думаешь, джинсами барыжу? Нет! Я учусь. Самое дорогое в этом мире – информация! Чем ее больше – тем у тебя больше возможностей.

– Ты бы лучше в институте учился, – подшутил Глеб. Он знал, что Серега почти забросил учебу.

– Глебыч! У тебя голова на месте – тебе хорошо говорить! Я могу только деньги зарабатывать, – Серега сказал это так, как будто завидовал Глебу.

Какая-то жестокая и в то же время интересная логика!

– Завтра в то же время, – нагнал его Серегин голос, когда он уже вышел из машины.

– Да-да, – покивал Глеб. Внеплановая прибыль припекала задний карман, сообщая тепло даже правой ягоdice.

Только отведав вчерашних макарон с поджаркой, он почувствовал, как устал. Его стало клонить в сон, как будто он весь день занимался физическими упражнениями. О том, чтобы безрассудно и красиво потратить заработанное, речи уже не шло. Глеб, приняв горизонтальное положение, включил телевизор и тут же уснул под его бормотание.

Они с Серегой проработали весь июль и начало августа, меняя друг друга каждые два дня. Деньги, которые получал Глеб, оказались совсем не большими деньгами. Чтобы убедиться в этом, достаточно было приобрести кое-что из одежды и пару демисезонных туфель.

К тому же дела на рынке шли все хуже. Да и джинса заканчивалась. Некоторые размеры были уже повыбиты.

Как-то вечером, подвозя Глеба домой, Ковба вдруг заговорил полунамеками:

– Глебыч, тебе вообще по кайфу так работать? – Серегина рука небрежно лежала на руле. В пальцах дымилась коричневая и дорогая сигарета.

– На что намекаешь? – прочитал его Глеб и подумал о плохом.

– Да я думаю, а не намекаю. Вова приезжает...

– А-а, – рассеянно вымолвил Глеб. Вовин приезд означал конец Глебовой карьеры. Глебу было жаль терять работу. Деньги были не то что не лишними – они были необходимы хотя бы для того, чтобы заручиться независимостью от того же Корнеева с его ботинками, например.

– Что «а-а»? – передразнил его Серега. – Надо чего-то дальше думать.

– Чего думать-то? – не понял Глеб.

– С Вовой потяжелее будет работать, а? – Серега затаился и мечтательно поглядел вперед, сощулив глаза. – Короче... Тема есть!

Он резко вывернул руль, уткнувшись в какую-то подворотню. Остановился.

– Пошли! – и, поиграв ключами, опустил их в карман.

Они пересекли двор, поднялись по ступенькам и оказались в кафе. В пустом зале было прохладно. Официант играл в бильярд сам с собой.

– Здорово! – поприветствовал его Серега. Указал Глебу на столик в углу. Схватил с барной стойки меню и приземлился на стул.

Через некоторое время подошел официант. Вблизи он оказался совсем мальчишкой.

– По солянке, – лихо распорядился Серега и, заметив замешательство Глеба: – Я угощаю...

Здесь у нас с Вовой конспиративное кафе! Чтобы без жен вопросы решить, – он помолчал, словно готовясь к чему-то, а потом повторил:

– Короче, тема есть! – и, понизив голос так, как будто его подслушивают, начал:

– С Вовой я работать не хочу! Вова по сути – лентяй. Ему просто повезло, что у него деньги оказались, чтобы этой джинсой затариться. Вообще он – ноль. Если бы не я, он бы эти костюмы полгода продавал и счастлив бы был.

– Ну... – у Глеба росло недоверие. Ему казалось, что Серега непонятно зачем набивает себе цену. Любая же неизвестность настораживала его.

– В общем, Вова получает свое и дальше торгует чем угодно. Мне бы хотелось поработать с тобой. У меня есть деньги, которые я хочу вложить.

Глеб невольно усмехнулся. Так не похож был Серега на человека с деньгами, которые есть куда вложить.

– Че ты ржешь? – обиделся тот. – Я чего, че то не так сказал?

– Не-не, – испугался Глеб. – Слушаю.

– Я нашел куда... Мне нужен надежный и, главное, непьющий человек. Пока я такого человека буду искать, товар уйдет в другие руки. Одному мне не справиться. Я все подсчитал – должно получиться. Только надо вбиваться... – он постучал ладонью по кулаку.

– Да без вопросов, – Глебу польстило Серегина доверие.

– Но, Глебыч, работать надо будет... – Серега закатил глаза над ополовиненной тарелкой.

– Это понятно... – лихо ответил Глеб. – Чем заниматься-то будем?

– Да ширпотреб... Китайское фуфло за копейки. Батарейки, лазерные указки, еще что-то... Я хочу под это дело скворечник арендовать.

– Ларек? – уточнил Глеб.

– Ну естественно! Я тебе потом все подробно распишу, если ты подпишешься.

– Конечно, – торопился Глеб. Птица счастья смирно сидела в двух шагах от него, потряхивая пыльными перьями.

– Выходные я тебе отдам, а на неделе решишь сам, какие тебе дни нужны...

Глеб вдруг похолодел от собственной самонадеянности. Солянка во рту стала пресной и безвкусной. Только сейчас он сообразил, что все его планы ограничивались сентябрем. Серегины планы оказывались немного шире – он строил планы на жизнь, а не на каникулы.

– Ну да... – промямлил Глеб, чувствуя, как запланированное золото течет сквозь пальцы.

– В общем, я на тебя рассчитываю? – подытожил Ковба и углубился в солянку.

Положение Глеба сделалось неуютным. Только что Глеб активно соглашался с Серегой и вдруг, услышав, казалось бы, очевидное, вдруг идет на попятную.

Глебу нужна была пауза. Чтобы посчитать, как трудодни и трудонедели будут влиять на его, Глеба успеваемость. То, что плохо, было понятно сразу. Другой разговор – насколько...

– Серега, мне надо подумать. И посчитать...

Серега приподнял глаза от солянки и посмотрел на Глеба с непониманием.

– Да, Глебыч, все подсчитано. Я тебе могу сказать даже примерную выручку...

– Я не об этом, – Глеб выглядел озабоченным. Потом наконец выдал: – Посмотрим.

Ковба как-то странно охладил к Глебу. Так, словно Глеб не дал Сереге почувствовать себя благодетелем.

Он довез Глеба до общаги.

– Ну, – сказал, – думай.

Глеб почувствовал холодок.

После работы он уже не падал спать – сказались тренировки. Более того, у наркомана со странной кличкой «Ходынка», живущего на первом этаже, он взял попользоваться пятикилограммовые гантели. Ходынке они вряд ли когда-нибудь пригодятся. Каждое утро Глеб теперь, никем не видимый, наносил удары несуществующему противнику, зажав в кулаках чугунные вериги. После месяца занятий он мог с уверенностью сказать, что противнику стало прилетать уже как следует. В общем, бодрости было навалом.

Помноженная на свободное время бодрость рождала греховные помыслы. Однако дальше помыслов дело не заходило. Очень глупо было, выпив алкоголя, сидеть в баре, ожидая встречи, должной непременно закончиться интимом. Как-то даже унижительно. Надо было убедить себя в том, что его самые красивые женщины должны подождать еще немного.

Все прелести жизни – деньги, свобода и молодость – почему-то сходились клином именно на бабах! Даже вечерняя прогулка подсовывала Глебу встреченные случайно, но очень, однако, волнующие голые коленки.

Одним из способов отвлечься было думать о плохом. Плохо было то, что плохое в двадцать лет кратковременное. Да и несерьезное.

Самым плохим для Глеба было обещание, данное Ковбе.

И Глеб принялся прикидывать.

С самого начала ему стало ясно, что совмещать работу с нормальной учебой не получится. Сперва он честно пытался это сделать, но ощущение было такое, что он пытается сшить себе шубу из заячьей шкурки. Выбор оказался прост – деньги и тройки либо достойная учеба и вероятная копеечная стипендия. В этом выборе сложно было признаться. Заячья шкурка разъезжалась по швам.

В общем, работать было нельзя. Даже из уважения к потенциальным красавицам, котрым осталось подождать всего ничего. Но скатываться к деньгам, которые присылала мать, было опасно во всех отношениях. Глеб уже не хотел заправленных поджаркой макарон и тушенки из сои, приправленной сухожилиями. С таким рационом гантели можно было зака- тить глубоко под кровать.

Должно было быть что-то третье! Должно!

Через два дня Серега встретил его, как обычно.

– Ну? – задал вопрос тот, даже не поприветствовав Глеба. Точно два дня только о Глебе и думал.

– Нет, Серега, – твердо произнес Глеб. Получилось хорошо. Никто бы и не предположил, что Глеб тренировал это «нет» перед зеркалом.

– Как хочешь, – заметно поник Ковба. Добавить ему было нечего.

– Извини, – вырвалось у Глеба. Эту фразу он не репетировал. Фраза выдавала в Глебе слабость.

– Может, подумаешь? – ожил было Ковба.

– Нет, Серега! – твердо произнес Глеб.

11

Учебный год приближался. Глеб не знал, печалиться или радоваться этому событию. С одной стороны, безрадостные перспективы раннего подъема и утомительных занятий, с другой – с каждым учебным днем Глеб приближался к далекой пока цели...

За две недели до первого сентября нехстати нагрянул сосед. Появился в дверях – огромный в их маленькой комнатухе. С его приездом усложнялись даже ежеутренние гантели.

– А чего ты дома? Купаться бы ехал... – с порога предложил он, не здороваясь, и поставил на пол невероятного объема рюкзак.

– Я тут треску привез. Так вот, ты ее не ешь... – он извлек из рюкзака холщовый мешок, заполненный, судя по запаху, вяленой рыбой.

Глеб кивнул. Ему было все равно. Его минимальный уют рассыпался с этим приездом.

– Уф, – сосед рухнул на койку. Тут же зажег телевизор. Комната, в которой два с лишним месяца не допускались вульгарные звуки, наполнилась пищанием героев MTV...

Глеб сменил домашние тапочки на уличную обувь и, не говоря ни слова, «поехал купаться».

Доехал до метро «Чернышевская». Выйдя, прогулочным шагом добрал до цирка. Потом подумал, что бежать от соседа глупо. «Бежать от...» глупо в принципе. Надо сделать так, чтобы соседей не было вообще... И Глебу опять виделось недостижимое и в то же время реальное будущее. Будущее, где соседи живут только за соседней дверью.

Вечерело. Над городом стояла теплая полутьма.

Глеб вышел на Невский, потоптался у Гостиного двора. Пора было возвращаться. Смирить гордыню и смириться с временным все же соседом.

Еще на первом этаже Глеб услышал женский визг. За ним последовал алкогольный грубый смех и матерные реплики. Все стихло только на несколько секунд, и визг повторился.

Глеб поднялся на свой пятый этаж. Звуки, исходившие с четвертого, преследовали его.

В комнате гудел телевизор.

Сосед, подливая пива из бутылки в стакан, грыз свою сушеную треску, лежа на койке.

– Кто там так орет? – буркнул Глеб, снимая обувь.

– Да эти... Только приехали, а уже пьяные...

– А какие они должны быть? – ухмыльнулся Глеб, вспоминая себя годичной давности.

– Потихе, – сосед пошевелил большим пальцем ноги, грозя приехавшим.

– Иди и скажи... – испытывал Глеб соседа на прочность.

– Я чего – самоубийца? Уже Влад приходил жаловаться...

Не признаваясь в трусости, сосед все же настаивал на каком-то ущербном благоразумии.

– И что Влад?

– Чего Влад? Влад пришел. Тебя хотел видеть. Потом на этих жаловался, – сосед кивнул. – Он им вроде бы сказал, а они его вроде бы послали... Это первогодки! – отслуживший армию сосед выражался соответственно.

– Понятно, – бросил Глеб, борясь с уже начинающимся тянущим волнением под ребрами. Четвертого этажа было не избежать, если те не угомонятся в ближайшие полчаса.

Он решил спуститься к Владу. Тем более что, судя по тому, что слышал Глеб, бесчинства происходили где-то рядом с дверью Влада.

Первогодков было много. Они курили, стоя вдоль обеих стен коридора. Разговоры вели громко и агрессивно. Среди них Глеб заметил двух девиц, от которых, вероятно, и исходил пронзительный визг. На полу валялись, презрев такие понятия, как пепельница, десятки окурков.

Гримаса, которую невольно надел на себя Глеб, была гримасой отвращения. Для того чтобы пройти сквозь строй курящих без потерь, надо было как минимум соорудить другое лицо.

Сделать это было практически невозможно. Дороги назад не было тоже. Новое поколение молодых волков поглядывало на Глеба с плотоядным интересом. Даже руки с сигаретами волчата держали внизу, меряя фигуру Глеба взглядом гробовщиков. Потом как-то разом замолчали.

Глеб вошел в коридор, чувствуя давление с обеих сторон. Ему надо было сделать шагов пять-шесть, чтобы пройти мимо. Любой агрессивный вздох мог вызвать лавину. Любое неловкое движение – бурю.

Когда темная масса осталась позади, Глеб, не оборачиваясь, почувствовал, как упало напряжение за его спиной. До комнаты Влада оставалось метров пять. Первогодки опять загомонили.

Глеб постучался. Не дожидаясь ответа, толкнул дверь.

– Не было печали? Здоров! – поприветствовал Влада Глеб.

– Видел? – Влад сидел на койке. В руках его дымился паяльник. Вкусно пахло канифолью.

– Да видел! А ты чего делаешь?

– Штекер отвалился... Искрит! Слушай, Глеб! Они вообще... Я им пытался сказать, но без толку... Бычить начали!

– Ты себя год назад вспомни! – назидательно напомнил Глеб. Отмахиваясь при этом от собственных воспоминаний.

– Да я таким не был!

– А кто кричал, что надо быть хозяином жизни? Кто говорил, что питерцы, как пидоры, говорят... Нам-то вовремя рога пообломали, – вместо «тебе» Глеб все же заставил себя сказать вынужденное «нам».

Влад недовольно заворчал.

– Может, тебе Закира напомнить? – загорячился Глеб. – Сгнил уже!

– Да иди ты... Тут-то чего делать?

Словно бы откликаясь на вопрос, из-за двери послышалась сопровождаемая гоготом замысловатая матерная комбинация.

– Ты готов драться? – спросил Глеб, зная ответ.

– Почти, – ответил Влад и чему-то усмехнулся. – Можно еще Дружинина позвать. Я его сегодня видел.

– А ему это надо? Может, ему все равно...

– Да ладно... Надо просто выйти и сказать, чтобы не орали и овец своих заткнули. Только уже вдвоем. И вот с этим... – Влад кивнул в угол. Там прислонился к стене напоминающий тросточку ржавый металлический штырь неизвестного происхождения.

Глеб взял штырь, перепачкавшись ржавчиной. Покатал его в ладонях.

– Убить можно...

– Ну! – довольно подтвердил Влад.

– Я говорю – убить можно. Совсем... Ты не понимаешь? Нет, мы сделаем по-другому! Вот ты бы год назад как отреагировал, если бы тебе замечание сделали?

– В морду бы дал.

– Вот! А чем они лучше? Я тебе скажу – они хуже! Для нас старшие авторитетом были. Не все, конечно...

– Были, – согласился Влад. – Правда, некоторые потом дерьмом оказались...

– Ну вот и думай! – Глеб поставил металлическую палку обратно в угол и принялся оттирать от ржавчины пальцы: Через год с ними то же самое будет. Половину выгонят, а другая половина изменится...

– Я не понял, что ты предлагаешь...

– Я? Да ничего! Они к тебе и ко мне не цепляются, а через неделю-другую все наши приедут. Вот увидишь.

Влад принужденно, однако не без бодрости в голосе, согласился. То, что ему сперва казалось трусостью, на деле обернулось какой-то житейской мудростью даже... Да и никому не хотелось встречать новый учебный год, лежа в больнице с проломленным черепом, если что-то вдруг пошло бы не так.

Влад открыл холодильник. В каждой комнате после первого года обучения у студентов появлялись роскоши. Одни доставали себе телевизор. Другие шли дальше и к телевизору покупали видеомэгаффон. Но редко кто обзаводился холодильником. Притом, что это был самый ценный трофей.

Влад достал из холодильника две бутылки пива, протянул одну Глебу.

– На... Не поверишь – один бухать вообще зарекся...

Приезжие пили третьи сутки.

Их как будто бы стало еще больше. На третий день, спускаясь за хлебом, Глеб почувствовал, что дальше так продолжаться не может. Что-то должно произойти. От приезжих исходил плохой запах и такая же энергетика. Третий этаж утопал в табачном дыму.

Надежда была на то, что у них кончатся деньги. Потому как сил у них было достаточно.

Глеб наконец разыскал по телефону Корнеева. И был доволен приглашением на прогулку. К тому же Славкины родители уехали отдыхать и у Корнеева можно было заночевать.

Он вернулся только вечером следующего дня с наполненным яблоками рюкзаком. Яблоки Слава привез со своей дачи.

В общежитии стояла обычная тишина. Видимо, новоявленные студенты все же утомнились.

Поднимаясь к себе, на третьем этаже у окна он лицом к лицу столкнулся со старенькой уборщицей. Та вяло возила тряпкой по огромному винному пятну. Присмотревшись, Глеб с тревогой и без удивления увидел кровь.

Не заходя к себе, постучал к Владу.

– Глебыч, это надо было видеть... Они сами себя наказали. Без нашего участия, – Влад сидел на стуле и продолжал дрессировать паяльник.

– Ну? – торопил его Глеб.

– Ну! Не нукай! Сами себя наказали. Нам вообще не пришлось вмешиваться, прикинь!

– Короче...

– Да подожди... Короче, дело к ночи. Я телек смотрел, да и они поутихли. Так уже... Я задремал – вопли. Слышу – какие-то стремные, не то, что раньше...

А потом вообще – кто-то стонет и дышит, стонет и дышит...

– В смысле – дышит?..

– Ну так: а-ах, а-ах... У меня не получается. Я думаю – сами разбирайтесь! Даже выходить не стал. Потом слышу – скорая приехала. А потом милиция, показания брали...

– Так что случилось-то? – нетерпеливо спросил Глеб.

– Да что-то... В пальто. Пацанчика одного зарезали.

– Насмерть?

– Да какое... Куда-то в живот попали. Короче, поживет еще... Ай... – Влад обжегся паяльником и выругался. – Зато сейчас – тишина.

– Давно случилось?

– Да часа три назад... Менты полчаса назад уехали. Тут баба одна убивалась. С ней истерика случилась!

– Случится! Если пить четвертые сутки, и не такое случится.

– А кто ударил ножом-то?

– Ты интересный, Глеб. Я их чего, знаю, что ли? Забрали его в наручники...

– Покорил Питер...

– А?

– Мысли вслух.

Глеб поднялся к себе.

«Голова должна оставаться холодной», – думал Глеб. Сегодня или вчера его холодная голова, возможно, уберегла его самого и Влада от ножевых ранений.

По позабытому, к счастью, кодексу чести Глеб струсил. Хотя некоторые, ловко трактовавшие кодекс волки, повернули бы так, что Глеб схитрил, будь они на месте самого Глеба.

Глеб не чувствовал за собой трусости. Не видел и хитрости. Он сделал так, как велела ему холодная и разумная голова.

Сосед все так же пиялился в телевизор. Эмтивишные герои пищали с непроходящим энтузиазмом. В комнате душно пахло мазью, которую сосед целый год с разной периодичностью втирал себе в левое колено. От запаха этой мази ненависти к соседу у Глеба становится вдвое больше.

– Ты слышал? – обратился к нему сосед без приветствия.

– Слышал...

– Ты пойдешь?

– Куда? – не понял Глеб.

– А говоришь – слышал! Ванесса Мэй приезжает...

– Нет. Я думал, ты про этих уродов...

– Каких? – не понял сосед.

– Там эти вновь прибывшие друг друга порезали.

– А-а... Да пускай хоть порежут, хоть передуют... Я чего им – мамка, что ли?

Это был четвертый, вполне приемлемый вариант поведения, и о нем ни в каком кодексе чести ничего сказано не было.

12

Наконец лето все-таки закончилось, и сентябрьские утра, все как одно, имели запах тонкий и пронзительный. То ли это был запах листвы на бульваре, только начавшей опадать, или же осенняя Нева приносит с собой ароматную прохладу прямо из Ладожского озера.

Почему-то это было грустно.

Вообще весь город замер в предвкушении осени.

Самое главное – осень еще нельзя было увидеть. Едва пожелтевшую кое-где листву можно было отнести и к засушливому лету. Но осень чувствовалась, и Глебу тоже сделалось не по себе.

Пару раз после уроков они с Корнеевым ходили гулять. Все было так, как и раньше, может быть, только смена настроений у Корнеева стала происходить резко и непредсказуемо.

Они забрели на пляж Петропавловской крепости. Долго бродили по берегу. Сели на траву с той стороны, которая обращена к Кронверку.

Перед ними в бурой воде плавали утки.

По случаю такой осени за пазуху Глебу приятели купили коньяк в удобной плоской бутылке.

Глеб дожевывал сморщенное яблоко, бросил огрызок:

– Все равно чего-то не хватает...

Он презрительно посмотрел на бутылку в руке, из которой только что сделал хороший глоток.

– Тебе всегда чего-то не хватает, Глебыч, – совсем не понял Глеба Корнеев.

Глеб промолчал. Не стоило объяснять Славе, что он имел в виду. Что на месте Корнеева Глебу хотел бы видеть особу женского пола, чтобы прогулка приобрела «высший смысл».

В таких умозаключениях прошли сентябрь и половина октября.

От ощущения неполноценности происходящего Глеб становился раздражительным. Его могло вывести из себя даже утреннее бритье.

С Корнеевым они виделись все реже. В выборе между учебой и женским полом Слава окончательно выбрал второе. Его избранница была хороша собой и, учась курсом старше, к учебе относилась с такой же, как и Корнеев, прохладой.

Они могли неделями пропадать у Корнеева на даче, после чего Слава являлся в институт похмельный и похуевший.

Как-то в середине октября к Глебу в комнату постучался Влад.

– Сидишь? – спросил он с таким видом, как будто мог предложить какую-то фантастическую альтернативу.

– Нет, по потолку гуляю, – криво сострил ужинавший Глеб.

– Сегодня чо?

– И «чо»? – передразнил Глеб, зачерпывая ложкой гречневый суп.

– Суббота, – ответил сам себе Влад. – У меня день рождения!

– Ну поздравляю, – промычал Глеб, не отрываясь от супа. – Он у тебя что, каждую субботу?

– Да ну тебя. Я, короче, приглашаю, – нормальное человеческое общение до сих пор давалось Владу с трудом.

– А раньше-то мог позвать? Куда я теперь – без подарка, – заводил Влада Глеб.

– Я вчера заходил – вас никого дома не было.

– Записку бы оставил!

– Писать не умею, – Влад распознал наконец насмешку Глеба. – Короче, я жду! Все придут часиков в восемь...

– Кто все? – спросил для порядка Глеб.

– Дружинин придет. Виталик. Короче, мужская компания... Не знаю, может, Кабан появится.

Кабан – так прозвал своего соседа Влад. Фамилия соседа была, понятное дело, Кабанов. Это был хмурый третьекурсни́к, которого никогда не было дома.

– Другого я не ожидал, – пробормотал Гончаренко. Вслух же произнес:

– Ладно. Побрежусь и спущусь...

В комнате у Влада был накрыт стол. Даже не смотря на то что было заметно: этот стол – сотворенное именно мужскими руками убожество, на столе присутствовали все необходимые аксессуара́ры – скатерть и даже салфетки. Глеб вспомнил, как Влад недавно обругал непутевых девок-сосе́док за то, что вместо салфеток девицы использовали туалетную бумагу.

– Она же в туалете не висела, – протестовали девки.

– Как-то вообще, блин, неприятно... – аргументировал Влад.

Туалетную бумагу заменили одноразовыми носовыми платочками.

– Мужчина! – похвалил Глеб Влада. Тот, огромный, толкался у плитки, на которой вкусно шипело еще не представленное гостям кушанье.

– Подожди еще, – суе́тился Влад, возясь с блюдом.

Пришел Виталик – молчаливый носитель редкой по размерам бородавки на верхней губе. Все, кто впервые видели Виталика изда́лека, думали, что на его губу присела крупная муха. Приблизившись к нему – разочаровывались. Зато Виталик навсегда приобретал определение – «тот, что с бородавкой». На вопрос, например, по телефону «какой Виталик», он сам пояснял – тот, что с бородавкой. Фамилией его никто не интересовался. Если узнавали – разговор был примерно такой:

«Виталик?»

– «Ну да, Евдокимов».

– «Тот, который с бородавкой?»

– Давайте Дружинина подождем! – Влад вернулся к дымящейся сковородке.

– Что у тебя там? Курица? – не вытерпел Глеб, заглядывая Владу через плечо.

– Цыпленок!

– Как ты отличил?

– Да иди ты...

– Ну, короче, всё! Глебыч теперь покоя не даст! – ворчал Влад, ставя сковородку на стол.

Он снял крышку. Под ней, расплюснутая, распласталась куриная тушка золотистого, по задумке, цвета. Попадание в цвет было неполным...

– Ну как бы да... – произнес инфантильный Виталик.

– Да очень даже, – подтвердил Глеб.

Наконец явился Дружинин. Разделся, ежеминутно вытирая нос. Протянул Владу маленькую коробочку со словами:

– Поздравляю... – и покраснел.

В таких делах бывшие молодые волки до сих пор были полны девичьего смущения.

Влад приоткрыл коробочку.

В коробочке лежала деревянная фигурка льва, вырезанная из красного дерева.

– Спасибо, – смущенно поблагодарил Влад. Он совсем не понял подарка.

– Это... короче... – Дружинин неловко выругался, потом продолжил: – В общем... Я сам, короче, вырезал... – когда он справился с признанием, то совсем обессилел.

– Да ты чо? – ожил Влад. – Ты гляди, Глебыч, а... – казалось, будто деревянный лев, тайна рождения которого была открыта, приобрел дополнительные бонусы.

– Уважаю, – коротко сформулировал Глеб. Когда-то он неплохо рисовал. Даже пару месяцев ходил в художественную школу. Потом рисовать стало незачем. Вернулся к этому хобби

он совсем недавно, а именно – в начале сентября, когда пририсовал огромный фаллос к нарисованному Корнеевым в своей тетради «Медному всаднику». Тогда Корнеев даже обиделся. Глебу пришлось глупо извиняться.

Глеб видел, что Влад был доволен. Когда сели за стол, он то и дело оглядывал гостей и улыбался.

Состав участников праздника не обещал. В таком возрасте мужские посиделки противоестественны. На гражданке, по крайней мере. Ощущения чуда и перспективы перекрывает пока удовольствие от ощущения трехсот-четырехсот граммов попавшей в пищеварительную систему водки.

Мужская компания не сулила ни чудес, ни тем более перспектив. Когда застолье ограничивается стенами общаги – это уже плохо. Когда только мужским полом – отвратительно.

Предположения довольно быстро стали подтверждаться.

Говорить, в сущности, было не о чем. Кости общих знакомых были давно перемыты. Грязное белье – выполоскано.

Разговоры звучали натужно.

Глеб вовремя спохватился, когда чуть не начал загибать зубья алюминиевой вилки в разные стороны.

Праздник требовал спасения.

За дверью возник женский голос. Глеб разобрал только конец фразы:

– ...хочешь, я и его тебе притащу!

Потом послышался стук, и дверь тут же приоткрылась.

– Влад, солнышко мое... – дверь приоткрылась еще, и в щель просунулось круглое лицо. Лицо напомнило Глебу советских кукол – полные, бантиком, губы, вздернутый нос, кудри с искусственной завивкой.

Глеб опознал в ней соседку Влада по этажу из приехавших в этом году первокурсниц.

– Привет, Рита, – поздоровался Влад.

Рита впустила свое, оказавшееся объемным, тело в комнату. Хлопая глазами, застыла на пороге. Кукольное лицо замешкалось.

– Опа, Влад... А чегой-то вы? – из присутствующих ей, похоже, был не знаком только Глеб.

– Да, Рита... У меня день рождения...

– Да ну ты чо? Дай я тебя расцелую! – и владелица объемного тела поднялась на цыпочки и раскрыла навстречу вставшему Владу объятия.

– Так а чего вы одни сидите? Я у тебя табуреток хотела попросить, а тут это... Давайте объединимся, что ли? Подожди, мой дорогой, я у девок спрошу!

И, не дожидаясь ответа, Рита, круто развернувшись на месте, пошла «спрашивать».

– Чего, ну так пойдем, может быть? – оживился Влад.

– Да можно... – кивнул Дружинин.

– А чего там, дамы нормальные? – заинтересованно спросил Глеб, ударяя на «дам».

– Да нормальные, – нетерпеливо ерзал Влад в ожидании Риты.

– Мальчики! – позвала Рита из-за двери. Потом появилась сама. – Идите к нам и возьмите табуретки. Только все равно надо где-то еще одну взять.

Принести табурет вызвался Дружинин.

В женской комнате было все по-другому. И полноценный теплый свет, льющийся с потолка. И запахи – еды и парфюмерной свежести.

На таком же, как и в комнате Влада, радиаторе отсутствовали носки. Вместо них пахнущее, наверное, девичьими кудрями сушилось красивое голубое полотенце. А главное – в комнате сидели настоящие, живые девушки.

Помимо Риты в комнате были еще три девушки. При этом Глеб сразу забраковал двух – иконоподобную, с длинным носом и короткой стрижкой дылду и очень полную блондинку в очках. Вынужденное одиночество способствует развитию внимательности.

Третью девушку звали Леной.

Она, не веря в приметы, сидела на дальнем углу стола и, когда появился Влад с приятелями, улыбнулась только уголком рта, глядя на молодых людей с осторожностью.

То, что она симпатична, было заметно сразу. Но то, что она не привлекла бы внимание Глеба, например, в метро, – стопроцентно. Асексуальные признаки внутренней чистоты были налицо – аккуратная причесочка, отсутствие косметики... Кофточка серо-бежевого, бабушкиного цвета.

Глеб шутливо раскланялся.

– Садитесь, – пригласила Рита, когда пришедшие уже сидели.

Девичий стол выгодно отличался от стола именинника. Посыпанный сушеным укропом желтоватый картофель соседствовал с белыми лепестками сала. Глянцево поблескивали маринованные бока помидоров. В растительном масле плавали незнакомые Глебу грибы.

Спустя пару рюмок Глеб стал задавать девушкам вопросы. Вспомнив зачаточные навыки хорошего тона, с вежливостью выслушивал остальных дам и с интересом – Лену.

Лена говорила тихо и обстоятельно. Не слыша половины из ее ответа, Глеб кивал. Потом, после того как компания вышла покурить, пересел поближе...

Лена училась на первом курсе. Приехала из Мурманска. Этот институт закончил ее старший брат. Сейчас работает на стройке какой-то важной магистрали в Казахстане. Она...

Она отвечала на вопросы, как примерная ученица. Если ответа не находилось – вставляла в монолог безразличное «да фиг знает». У Глеба возникли подозрения, что, будь они знакомы поближе, на месте «фига» вполне мог бы стоять более известный трехбуквенный приятель.

Глеб приятно пьянел и все ближе придвигался к Лене. При этом ловко поддерживал общий разговор, в котором наметился легкий алкогольный разброд.

Влад клонился в сторону иконописной дылды Оксаны. Хотя они вроде бы были знакомы до сегодняшнего дня.

Виталик клонился в сторону выхода. Превысив допустимую алкогольную норму, он боялся себя вести. Не замечая, как его маленькую фигуру потихоньку затмевает Ритина тень.

Дружинин попытался развеселить полную блондинку и, отчаявшись, купал пальцы в расоле, вылавливая последний помидор. Потом сошелся-таки с блондинкой на почве грибов. Это оказались ее маслята, собранные под Кингисеппом. Сам он был родом из грибосодержащей Карелии.

Выпивка кончилась на самом интересном месте. Которое у каждого из участников застолья было разным.

У Глеба с Леной – гидрометеорогические перспективы.

У Риты – Виталик.

У Виталика – дом.

У Дружинина – надушенная ложбинка между тяжелыми блондинкиными грудями, где Дружинину хотелось провести ночь.

У блондинки, в свою очередь, – засолка черного груздя.

Влад с Оксаной хотели одного и того же. Чтобы сосед Влада не пришел ночевать. Хотя открыто этого сказано еще не было.

В общем, надо было идти за водкой.

– Мы сходим, – вызвался Глеб, и Лена кивнула в знак согласия.

Через десять минут они были на улице.

– Наверное, надо было взять зонт? – посетовала Лена. В последние дни слякотно потеплело.

– Тут недалеко, – сказал Глеб.

– Может, пройдемся немного, – предложила Лена – Я бы капельку подышала...

– Конечно... Но сперва в магазин.

Моросило. Они медленно шли по бульвару. В руке Глеба болталась авоська, из которой торчала бутылка.

– В общем, я люблю бродить... – рассказывал Глеб.

– Я тоже, – подтверждала она. – Я просто еще не очень освоилась... Рита гулять не любит, Танька вообще домоседка.

– Танька – это кто? – спросил Глеб.

– Ну Таня – которая красивая... В очках.

Так оказалось, что у Лены и Глеба разные понятия о красоте.

– И что она дома делает? – заинтересовался Глеб.

– Читает.

– Читает? – впечатления книголюба блондинка не производила.

– Да всякую... – Лена не находила слов, чтобы обругать книжную продукцию.

– А ты... читаешь? – вдруг спросил Глеб. Если бы Лена читала, то вопрос мог получиться некорректным. Таким, будто Глеб сомневается в ее интеллектуальных способностях.

– Да читала тут... Времени нет! Пока одно, потом другое... – на улице Лена осмелела.

– Ну да, – неожиданно подтвердил Глеб.

Морось все больше становилась похожей на дождь.

Вернулись они, кажется, вовремя, встреченные возгласами: «Ну наконец-то!».

Все, что было дальше, – затянувшаяся прелюдия.

Ушел к себе Влад, уводя с собой за ручку осоловевшую от водки и ласк Оксану. Потом, даже вопреки грибам, ушла Татьяна.

Из душных Ритиных объятий вырвался-таки Виталик.

Оставаться дальше в такой компании было бессмысленно.

– Мы тоже пойдем! – Глеб почему-то брал ответственность за двоих. И Лена не протестовала.

– Я уберу! – замахала руками Рита, когда Лена стала что-то говорить. – Все равно мужика лишилась, – вдруг откровенно засмеялась она.

Они вышли в коридор. Пока Лена курила, нежно и нерешительно обращаясь с сигаретой, Глеб размышлял.

Просить соседа уйти на часок было бесполезным. К тому же «часика» с Леной могло не хватить. Ураганы страстей явно не входят в число ее приоритетов. Бегать по общежитию в поисках любовного ложе – вообще отвратительно.

На принятие решения у него было еще полсигареты.

– Можем пойти ко мне, – вдруг опередила его она. Только много позже Глеб узнал, что она «ничего такого» не имела в виду. Ей хотелось еще поговорить.

– А где соседка? – поинтересовался Глеб.

– Она на выходные домой уезжает... Она из Волхова...

Они спустились на второй этаж, прошли в конец коридора. Лена достала ключ. На месте брелока на ключах болталась маленькая пластмассовая собачка.

– У меня есть полбутылки вина и мандарины... – говорила она, впуская его в темноту. Потом включила свет.

«Зачем?» – не понимал Глеб. Но при этом никак не мог дотронуться до Лены рукой, ощущая рядом с собой ее теплое дыхание.

Все дальнейшее продолжалось по незнакомым и недоступным доселе Глебу правилам.

Лена достала бокалы. Нарезала сыр. Выложила на блюде несколько мандаринов.

– У тебя жарко, – говорил Глеб, снимая свитер.

– Открой форточку, – предлагала она. Сначала Глеб думал, что она прикидывается. Сдалась только через полчаса. Когда вино было выпито. Причем сдалась с каким-то удивлением!

Он был у нее не первый – занимал почетное второе место. И, надо сказать, Глеб был где-то благодарен предшественнику.

Конфета без обертки оказалась пресноватой. Особенно после того, как первые восторги улеглись. Тоскливо и не к месту ему вспомнилась другая Елена... В отличие от этой, она имела отчество.

«Как по-разному пахнут женщины», – думал Глеб, лежа на спине. Лена дышала ему в плечо и молчала. То, чем пахло от Елены Борисовны, то, чему и названия-то нет – запах страсти не имеет названия, – так отличается от Ленинского запаха – чуть-чуть пляжным песком, немного детским мылом... Подмышки – слабым уксусом... Лена не была той женщиной, с которой хочется гореть в аду. Хотя изначально было странно на это рассчитывать.

Глеб ощущал тепло и сытость, казалось бы – главные признаки уюта. К тому же над постелью горел ночник.

А ему хотелось бежать.

Лена сделалась покорной и тихой. Он не знал, как это расценивать. Таких ситуаций и таких женщин у него не было.

Она не стала бы говорить «спасибо» – скорее от нее можно было услышать «пользуйся еще, если надо». Такая позиция, увы, не способствует долговременному и систематическому употреблению.

Глеб даже не мог ее просто обнять, изображая благодарность, – изображать было нечего.

Хорошо, что она не говорила ему нежностей. Тогда ему негде было бы прятаться. И нечем отвечать.

Неожиданно Глеб уснул.

Когда проснулся – сразу понял, что находится в гостях. Даже не открывая глаз. Дворник за окном пластмассовой метлой царапал утреннюю тишину.

Лены рядом не было. Зато оттуда, где она, по расчетам Глеба, должна была находиться, происходило шипение и запах кофе наполнял комнату.

Он открыл глаза. Секунду поразмыслив – рот:

– Привет, Лена... – и, избрав подходящую на это утро модель поведения, добавил: – Налей, пожалуйста, воды. Хотя вдруг у тебя завалилось яблоко...

– Яблоко? Да где-то было... – и Лена открыла холодильник. Холодильники жили почти в каждой девичьей комнате, что наводило на мысль, будто парни пропивали именно холодильники.

Она протянула Глебу сморщенное, подсохшее яблоко. Потом налила воды в высокий стакан.

Глеб, подтянув ноги домиком, подложив под спину подушку с цветной наволочкой, приготовился завтракать.

– Кофе будешь?

– Погоди, – Глеб куснул яблоко, чувствуя, как яблочная мякоть немного смачивает пересохшее горло.

Лена налила чашку себе, присела на кровати, поправив чуть разошедшиеся полы халата.

И даже это было не так! Будь на месте Лены кто-нибудь из предыдущих подруг Глеба, он бы запретил ей это делать. Потом заставил бы снять халат. Потом она включилась бы сама. Может быть, не сразу... Утренний секс – в первую очередь мужская игра.

Лена сидела аккуратная и умытая, как ребенок. И несмотря на выросшую грудь и крупные бедра, Лена пока еще оставалась девочкой. И, увы, девочкой хорошей.

Съев яблоко, Глеб принялся за кофе. Состояние стремительно улучшалось. Ему достаточно было протянуть руку за ее грудью, но он почему-то боялся обидеть Лену. Думая за нее, он решил, что секс утром и при свете – занятие постыдное...

Этим она его раздражала!

Притом что есть кофе! Яблоко! Притом что он вообще проснулся в ее комнате.

И, колеблясь между чувством благодарности и почти что презрения, он вдруг произнес:

– Может быть, погуляем?

13

Глеб даже до конца не понял, как все произошло. Он не хотел этой женщины в своей жизни. Хотел он ее сиюминутно и до утра. Она – не позволила с собой так поступить.

При этом, как казалось Глебу, не напрашивалась на что-то серьезное. Все получилось само собой!

Говорят, что людей связывает совместный прием пищи. Если это так, то Лена делала все, чтобы Глеба связать. Она не то чтобы хорошо готовила – она просто готовила на двоих. При этом иногда велела Глебу купить то морковки, то гречки. Сначала они чаще ужинали у Лены. Потом – натолкнувшись на естественное недовольство соседки из Волхова (та тяжело переживала обретение Леной мужчины) – переместились к Глебу.

Как-то они засиделись допоздна. Равнодушный ко всему, кроме сушеной трески и телевизора, сосед уснул, повернувшись спиной ко всему миру и выставив из-под покрывала желтые пятки.

Его сап казался естественным.

– Оставайся, – многозначительно шепнул Глеб и потянул завязку на Лениной кофточке.

Она кивнула.

– Только выключи свет, – шепнула она. Даже предполагая, что соседу было глубоко все равно...

Они старались не скрипеть и все время прислушивались к дыханию соседа. Потом притихли, кое-как уместившись на тесной кровати. Глебу некуда было девать руку. Он положил ее Лене на бедро. Рука сползла к животу – получилось объятие...

– Спасибо, – прошептала она. Лицо ее находилось в далекой от Глеба темноте.

«Бедная, – подумал Глеб. – Неужели, кроме меня, тебя никто никогда не ласкал, если ты принимаешь за ласку любое объятие...»

И сжал ее немного крепче.

И глубоко задумался, дыша ей в затылок.

Утром сосед не удивился, увидев рядом с Глебом спящую Лену. На все, что выходило за границы его личного пространства, сосед распространял свое равнодушие. Он бы поднял крик, если бы Глеб уселся на его койку, и даже не обратил бы внимания, если бы наутро застал Глеба в постели с бородатым мужчиной.

Какое-то негласное разрешение было получено. Наверное, соседу действительно было все равно. А может быть, наличие женщины, пусть и не своей, облагораживало их с Глебом холостяцкое жилище.

Так или иначе, Лена стала почти что хозяйкой их комнаты.

Глеб почему-то не рассказывал о своих приключениях Корнееву. Не упоминал о Лене вообще. Если вдруг рассказывал о какой-то с ней прогулке, говорил, что ходил один.

Корнеев простодушно удивлялся тому, что Глеб не позвал его с собой. Разводил руками. Глеб оправдывался.

Лены он не стеснялся. Просто не хотел показываться с ней перед друзьями. В то, что это одно и то же, верить он не хотел.

Хвастаться своей женщиной глупо, думал он. Однако первое время предпочитал, чтобы место рядом с ним оставалось свободным. Его должна была занять оглушающая друзей красота. Лена, увы, для такой роли не годилась. Даже при вполне неплохих внешних данных в ней было сразу заметно отсутствие огонька.

Однако вот ужин был приготовлен ее заботливыми руками, и горчичники, когда он заболел в предсессионную горячку, ставила ему тоже она.

В пределах общежития он чувствовал себя с ней комфортно. Потому что все, что было в общежитии, было на виду – правильное ведение хозяйства считалось чуть ли не доблестью. Лицом хорошей хозяйки считался чистый туалет. И это отнюдь не гипербола...

Однако в обществе сокурсников и их ярких, пусть даже безмозглых подружек Глеб ставил под сомнение их с Леной альянс.

Глебу вспоминалась та, другая Лена, с отчеством, и он морщился от воспоминаний.

Как-то раз, уже накануне Нового года, к нему в общежитие заскочил Корнеев.

Глеб был дома один.

– Слушай, да я на минутку, – он стоял в прихожей. На его плечах лежал еще не успевший растаять снег. – Мне бы тетрадку по метеорологии до завтра, а?

– Чай будешь? – предложил Глеб.

Гипотетическое появление необъявленной Лены могло поставить под сомнение искренность их с Корнеевым отношений. Пора было открывать карты. Или лучше так – Глебу пора было ходить с дамы...

– Вот так... – подытожил он безо всякой интонации, когда Слава захлопнул фотоальбом, где за два месяца скопилось полтора десятка совместных с Леной фотографий.

– Она откуда? – рассеянно спросил Корнеев. Он-то ожидал от Глеба, как и сам Глеб, чего-то большего.

– Из Мурманска.

Корнеев покачал головой, словно бы подтверждая неловкость возникшей паузы.

– Не королева... – вдруг очень точно и коротко высказался Корнеев.

– Ну да, – уклончиво согласился Глеб.

– Но хорошее лицо... – попытался исправиться Слава. Глеб промолчал. Много позже он будет с отвращением вспоминать этот случай.

В тот вечер она пришла позже, чем ушел Слава. Знакомство было еще впереди...

Придя с мороза, поставила, прислонив к мойке, тяжелую сумку с продуктами:

– Гречки не было, будем есть макароны...

Еще впереди те времена, когда она скажет:

– Хрена не было, будем есть редьку, – и на ее лице не будет на капли тревоги.

За неделю до Нового года ударили морозы. Всякие прогулки сводились к коротким перебежкам. Глеб предложил Лене сходить на выставку.

Выставка проходила в Центральном выставочном зале. Это была выставка современного искусства. А от современного искусства, как известно, можно ожидать чего угодно.

Вход на выставку для студентов был бесплатным. Глеб с Леной предъявили студенческие билеты. Получив два входных – прошли в гардероб.

Современное искусство пользовалось спросом. Возможно, на спрос повлияла погода, но в просторном зале было людно.

Современное искусство не ограничивалось живописью. Оно было представлено также скульптурными композициями из папье-маше, пластика, водопроводных труб и жестяных банок. Встречалась и работы, выполненные в смешанной технике.

Грань между искусством и издевательством была неявной. Заметить ее Глеб так и не смог.

Они подолгу стояли у плюшевых, размеров в человеческий рост манекенов, соединенных пластмассовыми трубками. Рассматривали картину, где были изображены люди без кожи. Лена сфотографировала Глеба у канатов, сложенных в форме шара в человеческий рост.

Современное искусство было каким угодно – примитивным, пошлым или отвратительным, но у него был один плюс: оно не было скучным. Иногда этот плюс искупает все остальные минусы.

Когда Глеб с Леной, пройдясь по огромному залу и балкону несколько раз туда и обратно, засобирались домой, в зал ввалилась компания интуристов. На добродушных и загорелых физиономиях пожилых мужчин сверкали дорогими оправками очки. Женщины были тощие и плоские, как селедки. Повелевавшая ими женщина-экскурсовод стояла к Глебу гитарообразной спиной и жестикулировала.

– Постой здесь, я сейчас, – попросила Лена. Он кивнул.

Она исчезла из виду, а Глеб автоматически перевел взгляд на женщину-экскурсовода. Когда экскурсовод, продолжая жестикулировать, встала к нему вполоборота, он вздрогнул.

Это была Лена. Та, у которой когда-то имелось отчество. Правда, и его нынешняя Лена недавно обрела его, но Елена плюс Борисовна было сексуально и неповторимо.

Хуже было то, что, изменив позу, она повернулась лицом к нему и тоже его узнала.

Секунду они смотрели друг на друга – словно в зеркало. И на ее, и на его лице читалось замешательство.

Потом лицо Елены Борисовны потеплело улыбкой. Глеб почему-то оставался суров. Она (Just a moment) сделала несколько шагов по направлению к Глебу. И в этот момент она была – как звезда на новогодней елке – прекрасна. Неповторима. Недоступна.

– Глеб... – вымолвила она ласково.

Он обжег взгляд обручальным кольцом на ее пальце. Подумал вдруг, что ревнует. Сказал:

– Привет.

– Глеб, – повторила она, не меняя интонации. Потянула сладкую паузу.

– Как ты здесь?

– Очевидно, пришел... – предположил он. – А ты? Работаешь?

Таким вопросом они еще в Туапсе пытались снять проститутку лет в семнадцать.

Она улыбнулась, и сделала это как будто бы устало. Разомкнула в ответе ало напмаженные губы:

– Работаю...

Только что рядом со своей Леной Глеб казался себе взрослым и состоявшимся мужчиной. С этой Леной – очевидный откат назад и неловкое замешательство.

– Ты повзрослел.

– А ты замуж вышла?

Она опустила взгляд на руки:

– Ты наблюдательный, – казалось, что и ей было неловко встретить его вот так. – Подождешь меня полчаса, и мы можем где-нибудь посидеть... – предложила она.

– Я не один, – мрачно отрапортовал Глеб.

– А ты не женился? – рассмеялась Лена одними губами. Яркие накрашенные, они двигались на лице с осторожностью.

– Нет, – ответил коротко Глеб.

– Слушай, – заторопилась она, – мне сейчас совсем некогда, Глеб. Возьми визитку и, если захочешь, – позвони. Это рабочий... Я живу теперь в другом месте. Мы можем встретиться. Я бы хотела... – последние слова она говорила, готовая упорхнуть. В руке Глеба остался лепесток визитки с ее нелепой новой фамилией и цифрами телефона. Чиж Елена Борисовна. Меньше года назад она была незамысловатой Веселовой. Он сунул клочок картона в задний карман.

– Глеб, кто это? – возвратившаяся Лена дернула Глеба за рукав.

Глебу показалось, что Елена Борисовна оглянулась на них и усмехнулась.

– Да... знакомая, – туманно отреагировал Глеб, отворачиваясь.

– Я тебе покажу знакомую! – шутливо огрызнулась Лена, снова дергая Глеба.

«Ничего ты мне не покажешь», – с тоской подумал он, произнеся вслух:

– Ты это... Пойдем одеваться...

Он не забывал о визитке ни на секунду. Ему почти физически казалось, что Елена Борисовна передала ему кусочек сладкого греха, пропуск в волнующий мир плотских наслаждений. Стоит его предъявить, куда следует...

В метро Глеб совсем помрачнел. Теперь ему казалось, что следовало отправить Лену домой под любым предлогом и дожидаться Елены Борисовны, пусть бы это и заняло некоторое время.

– На-ка, прими вот это. По-моему, ты заболеваешь... – забеспокоилась Лена, когда они вернулись в общагу. Развела шипучую таблетку в стакане воды. Почти насильно напоила Глеба.

Когда Лена спустилась к себе, Глеб наконец достал картонный прямоугольник.

То, что визитка пахла Ею, не вызывало сомнений. Горький запах, от которого Глеб когда-то отказался по своей воле, теперь волновал сильнее, чем когда-то давно...

Он сунул визитку в стоящую на полке крайней книгу. Это были «Записки из Мертвого дома». Книгу Глебу дал почитать Корнеев.

Он думал о Елене Борисовне два дня. Все воскресенье, которое он провел в безуспешных поисках истины за учебником океанологии, и понедельник, когда досрочно получил зачет по архаичной и, на его взгляд, странноватой науке философии.

Звонить в понедельник было бы стратегически неправильным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.